

СИБИРИАДА

АНАТОЛИЙ
САНЖАРОВСКИЙ

Сибирская
роза

Сибиряда

Анатолий Санжаровский
Сибирская роза (сборник)

«ВЕЧЕ»

2016

Санжаровский А. Н.

Сибирская роза (сборник) / А. Н. Санжаровский — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-8980-2

Героиня остросюжетного романа – потомственный врач из знаменитой в Сибири династии врачей, которой уже более двухсот лет. Несколько десятилетий эта сибирская волшебница излечивала раковые заболевания, сочетая опыт народной медицины и традиционные методы лечения. Результаты ее лечения порой поражали даже самых известных специалистов в этой области. Жизнь порой бывает невероятней любого вымысла...

ISBN 978-5-4444-8980-2

© Санжаровский А. Н., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Сибирская роза	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анатолий Санжаровский
Сибирская роза
Сборник

© Санжаровский А. Н., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Сибирская роза

*Не следует краснеть, заимствуя у народа средства, служащие к
его излечению.*

Гиппократ

*Если в прошлое выстрелишь из пистолета, будущее выстрелит в
тебя из пушки.*

Восточная пословица

Александру Ильичу Фёдорову – сибирскому Далю

1

Крайние дни осени отходили, отмывались в тяжёлых, неистовых дождях. Рывучие, пенные ручьи потопно заливали улицу.

Врач-онколог Таисия Викторовна Закавырцева, возвращаясь с работы, привернула в продуктовый, взяла молока, пельменей, хлеба и вприбежку засемила домой.

Она шла не выбирая пути. Скорее, скорее в благостное тепло, в уют от этого обвального секучего проливня!

Она машинально глянула в сторону и споткнулась взглядом о пустое пространство в глухом дощатом заборе. Странно... Ещё вчера, когда приходила сюда, на этом месте вздрагивала под ветром старая калитка, а теперь сиротливо чернел прогал, и сама калитка, сорвавшись с петель, распято лежала на земле, её забрасывало жидкой шипучей пеной злобного потока. Откуда-то из-под крыльца покинуто плакала голодная кошка.

Дождь гулко остукивал Таисию Викторовну.

«Нина, Нина... В такие годы... Хотя и была лишь вчера у тебя, а завтра снова зайду, наведаю... Что я ещё могу?.. Гм... А почему завтра? А почему не сейчас?»

Таисия Викторовна с опаской прогшла мимо собачьей будки и подивилась. Вовсе напрасно боялась! Пёс лежал в будке, даже не шевельнулся. Только скорбно посмотрел и вздохнул, не поднимая головы с передних лап.

Дом был «слепой». Без огней.

Таисия Викторовна, часто бывавшая в этом доме и знавшая его, как свою ладонь, быстро прогшла в комнату к больной и, словно вкопанная, остановилась у порога, медленно притворяя за собой дверь.

Плотные, тугие сумерки заливали комнату. Никого не видно, кругом темнота, и откуда-то из тугой темноты сочился охриплый Нинин стон – Таисия Викторовна ни с чьим его не спутает, – и в этот тяжкий стон вплетался усталый детский плач.

Казалось, это сама темь плакала с простонам.

Слёзы поджали к горлу.

Таисия Викторовна судорожно щёлкнула выключателем.

Нина с крайним усилием перекатила голову по подушке.

– А-а... Доктор... Лёгонькая на поминках...

– Ниточка! Роднуша! Что же вы без света?

Нина собрала на лице зыбкое подобие улыбки.

– Я... Я, Таись Викто... Из мене весь пар вон... Вóпласть лежу... На бдре... Навовсе никудышка... Сама уже не доползу до выключателя. А синюшата мои ещё мелки... Не дотя-

нутся... От мы в потёмочках и кричим... Ох, детки... детки... Нету тех лавок, где продают мамок...

Сыновья-погодки, двух и трёх лет, мокрые, поди, и под мышками мокро, только что из-под дождя – одни прибежали из садика, – сидя у койки на полу, присмирели, перестали рёвущим реветь, с удивлением, с твердеющей надеждой взглядывают на докторицу. Мамка, мамка-то уже говорит! Не плачет!

– А сам где? – тихо спросила Таисия Викторовна.

– А где ему быть... В смене... А там, можа, зацепится где... оформит с кем горький стакашек. Не-е... Вы, докторь, не смотреть на мене так... Я к своему Слепушкину без претензий... Я-то что? Меня уже не отладить... Не всподнять... Невылечимая я... Эко шар подкатила под мене судьбинка... Не век кричать... Смёртную одёжу уже собрала... Я-то сложу белы ручки на груди... Мне... Мене, барыньку, снесут... А моему ббле¹ каковски выть? Один-раз-ббженный... Одним один... Как без мене возростит этих крох?.. Что жа я накуделила? Родить народила и в ящик сложила...² Не по судьбе... Ка-ак ему жити? Без мене он... Как в сиротстве остаётся... Другой и разбежистый, и провористый... Из воды дно достане... А мой всепланетный страдалик на печке заблудится. Пропадё-ё ить без мене... Пропадё-ё-ё... Жалко... Шибко смирный... Задавит его жизнь... Ну почё он у меня такой?.. Был ба хотько чудок с задачей...³ Будь сила, я б утащилась в город... Христом-Богом усватала б ему под масть каку тиху одинарочку...⁴ Тогда б я легко-о ушла в доски...⁵

С минуту Нина напряжённо смотрела прямо в глаза Таисии Викторовне и, отважившись, заговорила горячечно, захлёбисто:

– Таись Викторна!.. Миленька... Вы мне уж не помощница... Так подмогнуть моему Слепушкину...

Нина слабо, молитвенно потянула руки к Таисии Викторовне.

– Дайте вашу руку.

Таисия Викторовна подала.

Нина прижала её руку к щеке и заплакала:

– Обещайте... Обещайте... Сговорить ему в жёны каку-нить смирененьку... Приаукайте... Не бойтесь, краснеть за Слепушкина не придётся... Кладить ей про него правдушку. А правдушка таковецкая... У Слепушкина не выпадет работа. В работе не боится ломать горбушку... Горячий... С огня так и рвёт, так и рвёт. Он у мене за солнцем не лежит... Не лодыряка какой. Любому слесарьку нос забьёт... Хва-аткий, цо-опкий в деле. Про мово Слепушкина не скажешь: ни в горсть ни в сноп... В заводе на славе. Кругом ему почётность... И в житье покладливый... Славен норовом... Грех жалобиться. Мягкой, обходительной... Лежит к душе... Не в свою лавочку не лезет. В пьяной крутанице не воевода... Не падкий на бабы слёзки...⁶ Так... На праздничек когда иль под красный под случай какой... легашко приманёт... А чтоб в пьянку даться... А чтоб упиться на пласт – такой беды ни разу не приворачивало... Э-э-э... Чё попусте слова тереть?.. Ладён мужик... Из десятку не вытолкнешь. Обещайтесь... О... Ну обещаетесь... докторь...

Таисия Викторовна мелко затрясла головой. Да! Да!

И, стыдась своих хлынувших слёз, отвернула лицо, осторожно высвобождая руку.

¹ Ббля – милый.

² В ящик сложиться – помереть.

³ С задачей – хитрый.

⁴ Одинарочка (здесь) – одинокая покорливая, ласковая женщина.

⁵ Уйти в доски – умереть.

⁶ Бабы слёзки – спиртные напитки.

Буркнув что-то про холод, про то, что это не дом, а волкоморня, Таисия Викторовна кинулась растапливать печку.

Наварилапельменей своих, накормила сидевших голодом ребяташек, Нину.

Тут и вода поспела. Подхватила ключом бить.

В тазу выкупала Таисия Викторовна больнушу.

Вздыхнула рассвобождённо Нина. Сиротливая радость качнулась в глазах. Поскреблась под подушку, нашарила что-то, подаёт на сухой дрожащей ладонке какие-то странные изрезанные комочки.

– Докторь... Добруша... В отплатку за вашу за доброту... Примить... Корешок... Втай от вас бегал мой Слепушкин к бабушке⁷... Уважила, дала. Сказывают, хорошо этот корешок побивает рак... ежель с умом да в час... В свой час напустить... Да уронила, упустила... прозевала я свою судьбу... Мене уже не выдернет из беды... Такая стадия... Никаковскому лечению не принадлежу... Коряво всё покатилося. Ни складухи ни ладухи... Получила гроб... Безо всякой надёжки остатни доплакиваю деньки... Берите...

Таисия Викторовна печально улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Брезгуете... Ну что ж... Каждому скворцу своя скворешня... А только я так скажу. Навпрасно отпихиваетесь от коренька... По слухам, народ извеку подпирал им своё здоровьице. А народ не глуп, ой не глуп. Что попадя в рот не понесёт. Ежли в чём сомнительность ломает, так ты своим учё... научёным глазом посмотри на корешок, добавь чё от науки от своей учёной и потчуй болезника... Берите. Я не последня сгораю... Не последня... Не мне уже... Вам... Живым... Вам живым до крика надобится это святое кореньице... Ва-ам!..

Совестно было обижать Нину отказом, и Таисия Викторовна взяла.

2

Вскорых днях Нина отошла.

Её смерть сломала в Таисии Викторовне какой-то важный, прочный, отлаженный механизм, и Таисия Викторовна, в силу профессиональной привычки принимавшая смерть тяжелобольного почти как само собою разумеющееся, – рак не насморк! – вдруг почувствовала себя виноватой.

«Ты сделала всё возможное, – оправдывалась она перед собой. Но прежняя успокоенность не приходила. – Ты перед покойницей чиста. Да от этого разве она заговорит?»

В анатомке она и разу не могла взглянуть Нине в лицо.

«В чём моя вина? В том, что ты в двадцать пять мертва, а я и в сорок живу? Но окажись я в твоих санках, я б тоже уже не рассуждала...»

При вскрытии Таисия Викторовна отметила про себя обычное. Опухоль на десять-пятнадцать сантиметров окружена, облита нездоровой, набрякшей тканью, которая после удаления опухоли не уменьшалась, а росла. Несмотря на то что первичную опухоль выхватили, злокачественный процесс, эта зверонравная машина, не затухал, как должно бы быть, а, напротив, разгорался, разбегался ещё сильнее.

«Что тут предпримешь?

Хорошо бы иметь средство, которое снимало бы остаточные явления злокачественного процесса так же, как, например, снимает их при гнойниках пенициллин.

Но как – иметь, если такого средства нет?

Нет – найти!

Неправда!

Коли есть болезнь, должно быть и средство лечения.

⁷ Бабушка – знахарка.

Должно!

Озарённая этой мыслью, перебрала она ворох препаратов, почему-то надеялась-таки выловить и то самое средство заветное.

Но, прокатившись на полях, отлилась от них, привернула к травушкам. Чага, марьин корень, ромашка, подорожник... Нет, нет, тоже не то. Совсем не то!

Что же тогда *то*? В чём же тогда *то*?»

Нинин корень не выходил у неё из головы.

«Однако как он хоть называется? Где растёт? Кто знает, как им пользоваться? Шатнуться с этим катышком к бабушкам? Узнают, что я врач областного онкологического диспансера – собьётся куча смеха! Слушок побежит по городу. Гли-ко, наука двинулась на поклон к бабушкам! На выучку к тё-ёмным баушкам в тайности покралась!.. Э-э, наука, наука – пустая ты штука, раз полезла на ту же ёлочку...

И потом, ещё неизвестно, как наши примут мой поход к знахарям... В какую сторону повернут...

Не-ет, надо самой всё разведать. Надо самоуком докопаться, что за подарок подпихнула мне Нина».

Три года к Таисии Викторовне не подпускала покой, звенела комаром Нинина загадка.

Вечерами толкалась то в одной, то в другой библиотеке, всё выискивала книжки про растения.

Только теперь она дотумкала, почему корень исполосовали до неузнаваемости. Раз по раку, наверняка из ценных, в прибыли наваристый, и знахарь, боясь, что корень может попасть к врачу, и, держа впотаях *секрет*, изрезал до края, сбил форму – *замуровал, заминировал*. Но и, обезображенный, он оставался самим собой, с ним было всё его: запах, цвет, плотность.

Таисия Викторовна читала, сравнивала и непонятно даже для себя – ну разве объяснит собака, почему она идёт по следу зверя? Ну разве объяснит птица, почему она поёт? Ну разве объяснит речка, почему она обегает гору с этой, а не с той стороны? – и непонятно даже для себя скорей интуитивно угадала.

То был борец.

Царь-травя.

Царь-зелье.

Царь тибетской медицины.

3

В первую же неделю радость открытия обмякла, опала, и Таисия Викторовна, нигде и никому не проронив ни звука про свою удачу, затревожилась.

«Ну, знаю, был у Нины борец. Дальше-то что? Как этого *царя* впрячь, воткнуть в работу? У кого выведаешь, как его применять? Кому первой предложишь испробовать? Какими словами скажешь? Как в диспансере посмотрят наши на всю эту петрушенцию?..»

Вопросы напознали один ядовитей другого, и Таисия Викторовна, зажатая их тисками, навалилась дотошно изучать корень. И бог весть сколь протопталась бы над своим кореньком, не позови её неотложная чужая беда.

Однажды, обходя тяжёлых больных на дому, спросила она Катю Игнатову:

– Ну что, Катюша, как мы себя чувствуем?

Не то с укоризной, не то с сожалением Катя коротко покивала, сломленно ответила:

– Вы, я вижу, чувствуете себя ладно. А я... Что я?.. Лежу пеньком. Ну да к чему про меня речи терять? Вы лучше знаете моё положение. Докувыркаюсь ли до нового вашего прихода?

У Таисии Викторовны не поднялась душа разубеждать, что обычно делают врачи в таких случаях, лишь совестливо опустила лицо.

Долгим, благодарным взглядом посмотрела Катя на Таисию Викторовну. Спасибошки, врачей вы наша добрая, что не прибрёхиваете, что не любите финтить-винтить, спасибо за прямоту. Разве с морфия кто да ни будь восстал?

– Хорошо, Таис Викторна, что не сулите золоты горы. С вами можно по правде... Знаете, обида... Зло давит... Ну почё нам дажно правды не сказывают? Лечили, лечили в стационарке... Никакой просветности... Списывают домой. *На воздух...* На это сим...симпа...ти...чное лечение...

– Симптоматическое.

– О! Оно самое... Какое закомуристое... А нет вправде напрямую чесануть: лихо край доспелось, не хватает наших мочей вас выздоровить, вот и ссылаем домой домирать... Сгори здесь, в диспансере, нам какой минусяка! Статистику только подгадите. А откинь лыжки дома... Это ж дома! Мы в стороне, а не в бороне. На нас не повесят! Кривая ариф... кривая бухгалтерия... У моих соседей сынка учится на врача. Ласковый, заботный. Зря ватлать языком не станет. Я спросила почитать про это моё домашнее лечение. Он и притарань книжищу толще Библии. Оттель я выгребла, на память положила. Для надёжности себе списала...

Она сняла с полочки над головой тетрадь. Прочла:

– «Симптоматическое лечение сводится не только к ликвидации одного тягостного для больного симптома, но и к разрыву цепи взаимосвязанных и взаимообусловленных нарушений в организме, одним из звеньев которой является данный симптом...» Фу, псарня тя прихвати, еле прожевала! В книжке всё ловко, всё ладь да гладь. Да только в себе чтой-то я не чувствую разрыва этой распроклятуей цепи... Как же, жди! Воздух разорвёт, морфий разорвёт... Что ж оне в стационарике не разрывали? Иля дома в чём сподручней? Ой лё... Пока дождь с земли на небо не падывал...

Катя задумалась, отсутствующе вперилась в бледную потолочную немочь.

– Знаете, Таис Викторна... – заговорила, не убирая слабых, покинутых глаз с потолка. – Вы знаете, про что я думаю на отходе?

– Скажешь... узнаю...

– Про нашу хвалёнку учёную медицину. Вы не подсчитывали, эсколь у нас академиков, профессоров, кандидатов там разных?... До лешего! Чёрт на печку не вскинет. Брось палку в собаку, а попадёшь в академика. И чем же эта учёная орда пробавляется? Тут тёмный лес... А никакой просветки! Вроде летом и лёд не сушит, и баклушки не сбивает, но и пользы нам, кого боль ломом ломит, ни на грошик. Книжульки лепят, диссертации друг у дружки переворачивают... Ихними кирпичами все склады под верх забиты. Складам горе, а нам вдвойа... Сдвинуться с ума... Чиликают в тех писаниях про рак. А рак неграмотный. Тех писаний вумных не читает. Он как лопал бедолаг, так и лопаёт... так и лопаёт... А ну выложи те книжки в один порядок... Коль не хватит на выстелить дорогу до Луны... до кладбища помилуй как хватит. Даже останется... Ой... Наплантовала я вам семь бочек арестантов...

Катя приподнялась на локтях, посветила обречённой улыбкой.

– Я всёжжи счастливей Нины. Лежали мы с ей в стационарке койка к койке вприжим. Задружились. У нас же всё одинаковое... И года наши, и болячки, и семьи. Всё горем горевали, да как это спокидать мужиков одних с детишками в малом виде?... Аха-а... Мой-то, похоже, не ротозиня, пооборотистей её Слепушкина. Как списали меня с диспансера, я и вижу, нараз⁸ совсемко прокис. Ни жив ни мёртв таскает ноги. То был... Он у меня, извиняюсь на слове, регулярный воин. Без ласки не заснёт. А тут не то что ласки, разговоров на эту тему не подымают. Иль тоска его задавила, до время хоронит меня, иль наискал чего на стороне? Я говорю: «Как на духу сознавайся, уже завёл ночну пристёжку?» Клянётся-божится: нет и нетушки и на план не занашивал. Вот, напрямок отстёгиваю, за это-то – и на план не занашивал! – я те

⁸ Нараз – сразу.

и повыцарапаю ленивы глазюки! Нашёл чем фанфарониться! Напрок⁹ обдумляй... Я не нонь-завтра перекинусь, кто детишкам уход даст? Кто накормит? Кто поджалеет?.. Ты на ночь добра не лови – на жизнь ищи! Чтоб была моей фасонности... Всё вам не проходить деньги¹⁰ на одёжку ей... Я б отдала ей всё своё, вплоть до нашиванки¹¹... Ежли не возбрезует... Да и... Увидишь ты её в моём и подумаешь – я это... И тебе было б легче, и мне, может, там будет легче, что ты не забываешь меня... Ну!.. Намечталась... Через неделю чтоб как штык стояла туточки твоя чепурилка... Покажешь... Игнатик мой вялую руку к виску, как-то подбито поклонился. Слушаюсь! И через неделю потомяча мой леший красноплеший притаранил-таки! Навпримерно моих так лет. С ловкой фигуркой... Лицо смешливое, простецкое, в золотых конопушках. Свеженька, опрятненька так... Думаю, чисто себя водит. С одуванчиком¹² на голове. В нарядной коротенькой татьянке¹³... Ну, лежу я... Ни суха ни мокра... Мне ни хорошо ни плохо. Как-то навроде и без разницы... Всё гадаю, ну а будет она моим горяшатам мать але ведьма? Вроде б так к матери ближе... Не какая там бардашная девка... Не распустёха... Мне девчонечка поглянулась... Красивая... Ну, красоту не лизать. Жили б в одно сердце... Ну, стала она захаживать. То постирает что, то сготовит да меня ж и подкормит... Мы дажець немноженьку сошлись... Какой-то особенной любви я промежду ними не вижу. Да оно и к лучшему. Надо порядок додержать. Уж как сойду, напльно развяжу им руки. Я покойна... Муж, робятки не будут у такой сиротами. Наказываю ей: «Ты за самим зорче карауль. А то он рюмашке мастак кланяться. Не давай ему воли выше глаз. Сгорит же с вина!..» Ухватила кавалерка моего пантюху крепонько, ни разу не был при ней и под малым градусом. Мой даже взглядывает на неё слегка полохливо. А ничё... Мужик в строгости не испортится... Я сделала, что могла... Семья без меня не падёт. Это главное... На душе тихий рай. Покойность... Можно и в отход... чем так мучиться...

Катя вдруг сморщилась, закрыла лицо руками и заплакала навскрик.

– Доктор! Миленька!.. Брешу, брешу всё я! Каки ни египетски боли, а помирать больней! Тупая... спесивая... распроклятка наука! Чем помирать по этой науке, лучше жить без науки! Таис Викторна, миленька, – изнурённо зашептала Катя, – поджалейте мою молодость. Помогите!.. Морфий добьёт... Как Нинушку!.. Я слыхала... Слухи бегают... сурьма помогает...

– Не знаю, Катюша, помощница ль тебе сурьма, – на раздумах проронила Таисия Викторовна. Вспомнила о своём борце, опасливо добавила:

– Вот травки...

– Травок-то полны леса. Да тольке выросла ль травка от погибели?

– Нарос... ла... – заикаясь, ответила Таисия Викторовна. Ладони у неё запотели, невесть отчего перехватило дыхание. Ей стало вдруг страшно, страшно оттого, что делает она что-то такое, чего не следовало бы вовсе и делать. – На траве сидеть, траву пить... – машинально проговорились сами собою эти слова. – Вот... – нервно достала из сумочки кроху-флакончик. – Это настойка. Должна бы помочь...

Было такое чувство, будто этот флаконешко жёг ей пальцы, и она суетливо поставила его на тумбочку у Катиного изголовья.

– Я ведь, К-катюша... В голове гудит, как на вокзале... Уж сколько дней хожу по больным по своим с этим борцом... А предложить боюсь... Ядовитый корешок...

Катя посмелела глазами.

⁹ Напрок – на будущее, наперёд.

¹⁰ Проходить деньги – истратить деньги.

¹¹ Нашиванка – праздничный цветастый платок.

¹² Одуванчик – марлевая косынка.

¹³ Татьяна – юбка в мелкую оборку.

– Да не ядовитей морфия! А отравиться и морковкой можно. Вон врач прописал одной моей знакомке морковный сок. Уж чего проще! Знакомка и рада стараться. Навалилась хлестать почёмушки зря. За раз выдудолила четверть и откинула варежки.

– Осторожничай... Не дай бог из детворы кто хватит.

– Таисия Викторовна! Миленькая! Не беспокойтесь, лиха сна не знайте. От детворы уж уберегу. А самой чего лишко хлебать? Каку дозу проскажете, та и моя.

– Доза нехитрая. В первую неделю по две капли три раза в день за пятнадцать-двадцать минут до еды. Пипеткой накапай в стопочку с сырой водой и пей. Во вторую неделю прибавляешь на одну каплюшку, в третью ещё на одну и так поднимаешь до десяти. Потом в каждую неделю сбрасываешь по капле, срезаешь норму до исходной – две капли. Ты у нас гинекологичка. Тебе надо и спринцеваться... Десять капель на пол-литра воды... Ты молодая, крепковатая, не очень запущенная... Я с тобой, шевелилочка, в полгода разделаюсь, как повар с картошкой.

– Уврачуете?.. Поднимите? – робко уточнила Катя.

Таисия Викторовна всплеснула руками.

– О! Да ты вся выпугалась в смерть. Думаешь, а чего это я тебе навяливаю? Не трись. Это настойка борца. Две настаивала недели... Пять грамм корня на сто двадцать пять грамм семидесятиградусного спирта. Не бойся, свою настоюшку я уже проверила дома на коте на своём, на собаке Буяне, а вперёд на самой себе. Не баран чихал! Пила по граммулке сперва. Безвкусная. – Таисия Викторовна глянула на флакон на тумбочке. – Никакого яда не слышно. Цветом золотится. Вишь, похожа на коньяк. Коту подпускала в молоко, в суп. На пятой капле забастовал мой Мурчик, не стал лизать молоко. На пятой капле я и сама уловила лёгкий яд... Как-то угнетает, вдавливают в тоску... Но видишь, цела, не рассыпалась вдребезь...

А ночью Таисии Викторовне приснился сон.

Увидела она себя совсем маленькой. Гимназисточкой-первоклашкой.

Весна сдёрнула с земли снега; надёжно живило душу тепло.

Таюшка в белом платице, на головке веночек из ромашек. Впрыск бежит счастливая по лугу ромашковому, несёт перед собой мотылька на раскрытой розовой ладонке, в радости щебечет:

– Расскажи, мотылёк,
Как живёшь ты, дружок,
Как тебе не устать
День-деньской всё летать.

И в тон ей звончато отвечает с ладошки мотылёк:

– Я живу средь лугов
В блеске летнего дня.
Аромат из цветов —
Вот вся пища моя.
Но короток мой день,
Он не более дня.
Будь же добр, человек,
И не трогай меня.

4

Отслоилось несколько месяцев.

Таисия Викторовна привернула к Маше-татарочке. Всегда мягкая, всегда стеснительная Маша ожгла её холодным, обиженным взглядом.

– Когда раздавали мудрость, в мой мешок ничаво не попал! – чуже посыпала Маша словами. – Пускай я балда осиновая, глупи, но я напрямки искажу... Я, докторица, на тебе пообиделась. Ай как сильно пообиделась, один Аллах знай!

– Маша! Милуша! Да за что? – Таисия Викторовна бочком подлепилась на кровати к больной. – Давай сядем криво да поговорим прямо.

– У тебе одна больной – эта! – вскинула Маша большой палец. – Другая больной – эта! – выставила мизинец. – Я эта больной! – Она пошатала мизинец.

– Маша! Не носи греха на душу. У меня все больнуши равны.

– Не все, не все... Ты зенкалки болшой не делай... Я совсема здыхот¹⁴... Кабы был мне сил, я б отворотился от тебе... К стенке поворотился ба... Одна стенка чесни... Я всю недель рыдал, как буйвол... Мне не был так чижало, когда работал землеройкой¹⁵, когда таскал потомья на стройке кирпич на тачка... Машина такая ОСО, две ручки и колесо...

Таисия Викторовна растеряннo заозиралась. «Где же это я напрокудила? Чего ещё накурлесила? Вроде вина за мной никакая не бегаёт... Неужели кто на хвосте сплетни нанёс?»

Замешательство врача вытягивает из больной огонь злости, и Маша ворчит уже тише, смятенно жалуясь:

– Равны... Кабы был равны, так ба я тожа пел. Игнатиха – вота где раздуй кадило!¹⁶ – по телефону, как нарочи¹⁷, уже мал мала хулиганисто песняга поёт:

Кабы знала-перезнала,
Где мне замужем бывать,
Пособила бы свекровушке
Капусту поливать.

Я, простячка, такой песняга не пою. Мой песня коротки... Мой песня одна: ох-ох-ох. Припевка тожа одна: ой-ой-ой... Бессовесни Игнатиха выхваляется: боль уж малешко. – Маша чуть развела указательный и большой пальцы. – Кушает, как слон. Спит, как медведе в берлоге зимой. Как мы равны? Я не сплю... Ночку кричу, деньский день кричу без перерыв на завтрак, на обед, на вечерю. Совсемушка ничаво кушать не хочу... Высох... Паличка... Вес сорок один кило. Хорошая барашка болша тянет... Сила из мне утекла... Совсемко моя жизнуха размахрявилась... К больному даже муха пристаёт... Я такой здыхот, такой здыхот... Шла на Плеханова... Нет... Это трамвай шла на Плеханова. А я стояла. Трамвай шла мимо и сдула меня. Ветром от трамвая сдуло! О, как вы, врачья, лечите... Прошу своих: не троньте, не шевелите мне... Мне к земле тянет... К земле... Говорят, жизнь – колесо: то поднимется, то придавит. А мне всю время давит, давит... давит... Моя мужа на война голова положил... Как хорошо, что до войны я обдетилась. Четыре детишка у мне... Разве я могу помирать? Не могу. Нельзя... Запрещается... Давай нараз, золотая докторица, твои золоты капельки! Почё не даёшь?.. Я

¹⁴ Здыхот – больной.

¹⁵ Землеройка – работница овощной базы.

¹⁶ Раздуй кадило – об озорном человеке.

¹⁷ Нарочи – нарочно.

тожа хочу кушать, как слон, спать, как медведе, петь, как бессовесни Игнатиха... Когда подковывают коня, лягушка тожа протягивает лапку...

– И умно делает! – воскликнула Таисия Викторовна, довольная желанным поворотом встречи. – Катящийся камень, Машенька, отшлифуется, лежащий – покроется мхом... Дам я тебе свои капельки. Только ты уж не копи на меня зла... Я почему раньше не давала тебе? Корпело сперва твёрдо разведать, как работают мои капельки. Горелось закончить полный курс хоть на одной больной...

Маша протестующе пронесла руку перед своим лицом из стороны в сторону.

– Ух, докторица! Да иди ты в баню тазики пинать!¹⁸ Это шайтан в те говорит. Не ты говоришь... Что ж мне ждать-выжидать полный курс? Я ж добычливая! Не нонь, так взавтре могу добыть себе могилку! Курс будешь смотреть потомокось. А сначатия¹⁹ давай скорейко сюда твои живые каплюшки... Буду барнаулить²⁰, покудушко не дашь. Чего прощей... Ну давай сейчас, золотунечка... Или чё, обеушками²¹ надо их из тебя тащить?

5

Уже *оттуда*, из могилы, выхватила Таисия Викторовна пятерых горюх.

В диспансере на них рукой махнули. Безнадёги! Медицина сделала всё, что могла, что было ей по зубам.

А теперь чего без толку тиранить людей? Чего изводить врачей и себя?

Выпишем домой. «На воздух». «На солнечные ванны».

Их выписывали умирать в кругу семьи.

А они рвались жить, рвались растить детей, рвались к делу и, поникшие, отчаявшиеся, готовые на всё – голому разбой не страшен! – шатнулись к закавырцевской травушке.

Травушка спасла, достала из гроба.

На ком камнем висела инвалидность – сняли. Все вернулись к прежней работе, к будничным семейным заботам, набавив радостных хлопот и самой Таисии Викторовне.

В обычае, она встречала с работы мужа на крыльце, ласково заглядывала в глаза. Ну что, всё в порядке?

А тут нетерпёж поджёг. Выскочила на угол улицы.

– Кока! – со всех ног бросилась к мужу, едва выворотился тот из-за дома. – Кока! Она жива! Это тебе не баран чихал!.. Жива!.. Вот телеграмма! Ёлкин дед, её телеграмма!

Малорослая, худенькая, как девочка-подросток, Таисия Викторовна с лёту ткнулась в мужнино утёсное плечо, прижалась, подбираясь всем телом под надёжную широкую руку Николая Александровича.

– Так ну читай, крошунечка!

– «Бесценная моя Таисия Викторовна!» – на ходу разбежалась читать она и тут же осеклась, смущённо бросила взор на мужа. Ну видал, как меня?!

Он ободряюще кивнул. Всё правильно!

– «Чувствую я себя хорошо. Работаю на старой работе. Домашнюю работу делаю всю сама. Воспитываю шестерых сынков. Спасибо Вам за внимательность, за жалость к больным, за горячие чувства. Вы подняли меня со смертельной постели. Прошло ровно три года после моего лечения, и когда я в мыслях иду мимо Вашего стационара, я боюсь вспоминать. Сегодня

¹⁸ Иди в баню тазики пинать – требование оставить в покое.

¹⁹ Сначатия – сначала.

²⁰ Барнаулить – назойливо приставать.

²¹ Обеушки – клещи для выдёргивания гвоздей.

ровно три года, как я выписалась. Сегодня ровно три года, как я живу благодаря только Вам, дорогая Таисия Викторовна. Большое спасибо за всё. Ваша якутяночка».

Таисия Викторовна очарованно смотрела на раскрытую телеграмму и не верила, что пришла она с самого Ледовитого океана. С какой дали дать голос!

Надо же...

Тогда Таисия Викторовна только начала скрадчиво работать с борцом, а шумок про неё скоро доплескался, добежал до ледовитой воды. Земля сухая, как пепел, слухи бегут, бегут...

Безо всякого предупреждения наявляется якутяночка с мужем, молится-просится в стационар к Таисии Викторовне. Сам подпевает – была она у своего мужика в нахвале – и не гулёна, и сынков шесть, и оленеводи́ха первая... Одно слово, ловкая норовом. Да вот горе-запята, хворь смяла. Возьмитесь, доктор! Спасите!

Если б всё решала лишь Таисия Викторовна!

Грицианов, главный врач, ни в какие силы:

– Нет, не примем. В такой стадии не примем. Уж всё до крайней крайности запущено.

Муж-хитрован и кинь последний козырь.

Мне, говорит, дурь молотить некогда... Я уведал... Вам нужен дворник в диспансере? Главный аж затрясся. Нужен, ка-ак ещё нужен! Всё никого не усватаем! А муж и упрись в своей линии: бери жёнку лечи, я пойду дворником, всё ближе к жене... Буду за жёнкой до победы ухаживать, буду и дворничать.

Тут главный и пал. Одним моментом принял обоих.

Якутяночка была пятая, кого подпёрла борцом Таисия Викторовна, и вот все пятеро живут уже по три года. Последней эту заветную черту сегодня перешла якутяночка.

Таисия Викторовна ликующе выглянула из-под мужниной руки, как из нерушимого убежища,хватила частушку:

– Серебриста в поле липка,
Серебрист на липке лист.
Мил высоко носик носит —
Опусти немного вниз!

– А тебе, малышка, не кажется, что кто-то преувеличивает? – иронично глядя сверху вниз, весело спросил Николай Александрович, из-за спины вынося и подавая в поклоне жене букет из пяти роз. – Я всегда помнил... Я ждал этого дня... Я верил... С успехом тебя! Пять жизней – пять роз!

– Пять жизней – пять роз... – мечтательно повторила Таисия Викторовна. – Хорошо сказал. Спасибо. Жизнь – цветок... И во власти человека – увянуть цветку или расцвести... Как-то недавно Катя явилась в диспансер на проверку. В регистратуре долго искали её карточку, наконец нашли в ячейке, где стояли карточки умерших. Представляешь! Ее уже считали давно покойницей. Выписывали-то совсем в плохом состоянии...

Вспомнилось им и то, как напрасно хлопотала Катя насчёт заменной жены своему Игнатику. Не припало Игнатику вдруголя жениться. И Катя рада, и Игнатик не горем повит. Вовсе не бил Игнатик клинья под вторую женитьбу. Как ни завороты клеветная судьба, не женился б всё равно. А что подменку приводил, так то одна видимость. Для Кати и старался, водил, чтоб её успокоить. Уклянчил у себя в цехе приятеля, и тот дал своей молоденькой жене-девчонишке поручение: набегай вечерами, стряпай-крутись по дому. И только. Безо всяких там бармалейских кренделей. Да какие ещё могли выскочить кренделя, когда цвела уже замужем за любимым?

– Умница! Великая ты у меня умница! – выпалил Николай Александрович. – Да вот думка давит... Живи твой татко, пришлось бы ему ай и краснеть. Ну, как он мог назвать тебя Тайгой?

– Точно так же, как твой назвал тебя Николаем.

Герой японской кампании, её будущий отец вернулся с войны к бедняку-отцу в глухое местечко под Каменец-Подольском. Оженился. А земли – носовым платком закроешь. И поехал отец переселением вместе с женой да с двумя своими младшими братьями в Нарымский край. В Нарым людей слали в ссылку. А эти своей охотой шатнулись за вольной землёй.

В Нарыме земля немереная. Разве что ведьма её одна мерила, да и та аршин потеряла не то в болоте, не то в тайге.

Ну, сели братья Гумённые в посёлушке Золотом. Раскорчевали ложбистый лес, посеяли хлеб.

Хлеб – из тайги, живность какая – из тайги, ягодка, гриб – из тайги, дрова – из тайги, травонька какая живая – из тайги... Тайга кормила, тайга одевала, тайга согревала, тайга лечила, тайга веселила... Куда ни крутнись, всё тебе валом валит тайга. А ты-то, человеке, что ей в отдачу подашь?

Отец как разумел, так и заплатил тайге.

Первенцу Тайгой назвал.

В метрику так и бухнули. Тайга! Тайга Викторвна!

Весь Золотой рты распахнул. Ну хохол! Ну Гумённый! Ну наовсе тайга тайгой!²² И большатка²³ у тебя Тайга. Как же дочке с эким срамным да увечным именем в народе жить?

Отца подпекали, подкусывали и те, и те, а он в дыбки: «Твоё мытьё на моё бельё – и не надь!» Мол, не мешайся в чужую кучку.

Была маленькая, звали Таёжкой. Всем нравилось.

Вошла дочка в года, могла сменить имя, да не стала. Самой легло к сердцу лучше лучшего. А в миру навеличивали её чаще Таисией, вроде привычней так, уважительней. Она и на Таисию с охоткой откликается. Негордая...

Уже дома, на скрипких ступеньках, когда поднимались к себе на второй этажишко, Николай Александрович полушутя спросил:

– Таёжка! Ну когда у тебя торжественный выход из подполья?

– Как и намечала... Завтра в девять ноль-ноль. Поклялась родом и плодом, дала зарок, если эта пятёрка осилит три года, ко всем чертям бросаю лечить в секрете, берусь открыто в диспансере. Почему от пирога народного опыта могут отщипнуть, и то украдкой лишь редкие счастливики, а не все больные? Пирог-то черствеет, зря пропадает.

– Ты у меня бабинька – ух, масштабно загибаешь! – вскинул палец Николай Александрович.

– Иначе, ёлкин дед, зачем я?

– Думаешь, главный возрадуется твоему выходу?

– Думаю, будет приятно удивлён. Налегке шокирован. Но не запретит. Всё-таки на меня ни одного компромата. Всё хорошо, хорошо, хорошо. Без борца мне б так до дуру не хорошо. Я у него вроде восходящая звёздочка. Всё повышает. Всё повышает... Ординатор-гинеколог, консультант-терапевт, заведованием, зав организационно-методическим отделом. Это тебе не баран чихал! Как отбрыкивалась, как просила: ну двиньте на отдел Желтоглазову, вместе учились, знания одинаковые. Может, страшные завидки перестанут её ломать, может, бросит злиться, как хорёк. Лыбится наш Золотой Скальпель: «Не могу-с Желтоглазову. Они хоть

²² Тайга тайгой – недалёкий, глупый человек.

²³ Большатка – старшая дочь.

и академическая племянница, в просторечии племянница самого Кребса, но, извините, основательно глупы-с, основательно тупы-с...» Что главный, наш Золотой Скальпель... Я, Кока, в саму в свет Москву скакану, в минздраве доложу. Это будет тесно на планете!

Николай Александрович с укором, рассеянно окинул взглядом жену, угадывая, что это она, и не угадывая.

– Ух ты и воспарила! Говори, да оглядывайся... Не лишку ли замахиваешься? Так тебя министр и принял! А лететь в Москву... Поздороваться с министерским вахтёром?.. Навар невелик. Ну, в лучшем случае выпоешь ему. Он-то со скуки послушает. Одначе... И тянуть... Как бы... Ну да чего названивать? Как бы какой ушлый, проворливый активник не уморшил, не сцопал твой методишко. С заявкой на авторство надо ехать! Вот... Это серьёзно... В тяжёлую телегу, крошунька, ты впряглась... Да, время наше... не ахти... Пора захоронения идей... Если твоя затея с борцом в кон... на конце концов лопнет мыльным пузырьём, тебе будет проще, легко отделаешься. Но если завяжется толк, завистники, кусливые завистники ещё покатают тебя в грязи! Ух ка-ак по-ка-та-ют! Чует моё бедное сердце рентгенолога... Видит...

6

Главный врач диспансера хирург Грицианов по прозвищу Золотой Скальпель – он слышал, что за границей отличным хирургам дарят золотые скальпели, он до смерти хотел иметь такой скальпель, это знали все в диспансере, – Грицианов воспринял путаную, с девятого на десятое, исповедь Таисии Викторовны до бестолковости радостно:

– Таюшка!.. Викторовна!.. Голубушка!!!.. Что ж вы раньше молчали?

– Ну... Раньше... Это было раньше.

– Ай да скромница! Ай да мы! А ведь, – Грицианов церемонно поднёс руку к мохнатой груди – ворот серой рубашки был расстёгнут, из-под неё круто, дико курчавилась смоль волос, черно забрызгивая и края рубашки под горлом, – а ведь я чувствовал! Чувствовал!! Только ума не дам... Гляжу, что-то у других народушко снопами валится, а ваши, как ваньки-встаньки, вскакивают да домой, да шелушивают с себя проклятушую инвалидность... Думаете, за синие за глазки я вас поднимал по табели о рангах? Ей-ей, чувствую, кто-то в вас засел и сидит. Бес не бес, но силён. На поверку я не ошибся. Борец в вас засел. Сам борец в помощнички пристегнулся! Сам Самыч! Борец! – Грицианов дурашливо хохотнул. – Без клоуна! Фильм такой был. «Борец и клоун»...

В каком-то безотчётном угаре Грицианов сыпал слова, блаженно тянул широко раскрытые ручищи с угрюмыми чёрными щётками волос на пальцах, будто готовясь что-то взять, что подавали ему, тянул вперёд по краям стола, по ту сторону которого бочком сидела Таисия Викторовна, и чем дальше пускал он руки, тем всё ощутимей слышал желанное тепло невидимого божественного костра.

Лет десять назад Грицианов защитил кандидатскую.

Звание кандидата его не грело, с ним ему было как-то неуютно, холодно, и он полубрезгливо, полужалеюще под горбатый случай дразнил себя кандидатом в человеки. «Выскочить в человеки» значило отстоять докторскую.

Аредовы веки бился он над докторской, аки лев, бился «льворяростно», что, однако не мешало ему с постоянным успехом взбулгачивать в насадной пляске лишь старую, усталую пыль. Докторская не вытанцовывалась. По-прежнему была пустенькая, тощенькая, дохленькая. Одно слово, *беззащитная*.

Тут только и вздохнёшь: хоть и погано баба танцует, зато довго.

И вот теперь, когда он собственными ушами слышит, что во вверенной ему Богом заведении колобобится этакейская чудасия, он хмелеет от восторга.

«Наша Дунька не брезгунька, чужой мёд так ложкой жрёт! – со злым умилением думает он о себе и, уже твёрдо не слыша Таисию Викторовну, уходит весь в раскладку, как это он навалится чужой мёд убирать. – Ну-с, раскинем щупальца. Кто есмь я? – В ответ он подобрался в кресле, осанисто развёл, растоперил плечи. – А кто такая, извините, Закавырцева? – Скользящая усмешка лениво помялась у него на лице и пропала. – Невелика крендедюлина... Уж точно, не какая там Жозефинка²⁴, а всё про всё диковая Тайга. Приплясывать, ломать колени, увы, не перед кем. Рядовая... врач-практик... Так... Лёгенькая закавычечка, на гладком месте шишулечка... конопушечка, букашечка, пчёлушка... Правда, плодовитенькая. Что выдаёт – экстра. Этого не отнимешь. А мы, упаси бог, и не отнимаем. Всё вокруг общее, всё *наше*! Дружно заклеим позором звериное слово *моё*. Дружно воспоём прекрасное *наше*. Всё – наше! Мудрая природа разве зря толкует: не на себя пчёлка медок растит, не на себя работает? Не возражаю! Пускай работает! А мы своё по праву возьмём. Из чужого... бр-р!.. Из нашего костерка выхвачу горящее полешко... другое... пятое, десятое... Выворочу поувалистей, разведу свой персональный костерок. Неправда, согрею зазябшие руки... Сабо самой... Отогреется, глядишь, наша докторская и стронется, великомученица, с мёрзлой кочки... Ну, Грицианов, не спи, а то умёрзнешь!» – млея, приказал себе Грицианов и преданно-ликующе уставился прямо в зрачки Таисии Викторовне.

Таисия Викторовна сконфузилась, потупилась.

– Вот вы, – глухо забормотала, – спрашиваете, почему раньше не говорила. А как говорить-то? Раньше не было пятёрки, прожившей три года, не было многих других, кого поставила на ноги борцом... Вот теперь... Вы видите, дело стоящее. Это вам не баран чихал! Надо продолжать работу с борцом... – На миг она запнулась и бухнула, как в лужу, первое, что упало на язык: – Если сомнём... Человечество нам не простит...

Сильно морщась, Грицианов обеими руками замахал на Таисию Викторовну:

– Ой-ой-ой! Кислый вы агитатор... Так и передайте вашему человечеству, нечего ему, дорогому, беспокоиться. Да пусть знает, что в эту в историческую минуту... – Грицианов сановито выпрямился в мягком красном кресле, вмельк глянул на часы на стене, – пусть знает ваше глубокоуважаемое человечество, что в девять часов двадцать минут сего дня и сего года в моем лице ваш могучий борец получил преданнейшего друга! Что «друга»... Слугу! Пока я горячий, требуйте, сабо самой, что хотите! – на патетической ноте, облитой фальшью, закончил Грицианов и с чувством высоко исполненного долга рассвободжённо откинулся на спинку роскошного кресла.

Таисия Викторовна как-то с недоверием, оробело покосилась на главного. Неужели всё это правда? А если это розыгрыш? А если он мне глаза туманит?

Грицианов в нетерпении отдёргнулся от алости мягкой спинки. Её молчание ущипнуло его чуткое самолюбие.

– Что же вы ни слова? – отечески гневливо бросил он. – Не верите? Так я повторю... Пока я горячий, требуйте, что хотите! – И заторопил: – Ну требуйте! Требуйте! Пожалуйста! Ради нашего борца последнюю рубаху с плеча!

Грицианов взялся за манжету.

Таисия Викторовна в спехе выкинула перед собой в защите ладонку:

– Нет! Нет!

Грицианов и не отдавал рубаху. Он просто поправил у себя манжету, поудобней сел в кресле и только. Смутно подумал, на миг зацепившись вороватым глазом за молодые её вкусные плечи: «Своя рубашка ближе к телу, а без рубашки ближе к делу... Мхм-м...»

– Без паники! – вскинул он руку щитком. – Рубаха мне и самому нужна. Просите, пока...

– Не остывайте ввек по веки... Никогда не остывайте к борцу... – жалко выдавила она.

²⁴ Жозефина Богарне – жена Наполеона.

– Вечное кипение я вам, сабо самой, гарантирую, – постно сронил Грицианов. – Что ещё?

Таисия Викторовна ужалась спиной в жёсткий стул и пискнула. Она хотела сказать тихонько, клянчаще, как и надлежит молящему милостыньку. Но голос у неё совсем съехал, из неё выпал какой-то умученный писк:

– Мне б уголочек...

– Это уже что-то по теме! – подхвалил Грицианов. – Уж кому я от души сочувствую, так это вам, – с протягом вздохнул он, деланно-неловко пряча глаза. Этой игры Таисия Викторовна не заметила. Грицианов был большой притворяшка. – Кабинет у вас не из показательных. Прямо говоря, показательная жмурня²⁵ в миниатюре. Без меры холодная... Образцовое трупохранилище... Без меры тёмное. Без меры тесное. Надо и исследования проводить... Да вам целую по-хорошему лабораторию нужно! И приличный кабинет, и лаборатория будут! Ловите на слове. Ради человечества приношу в дар вам свой кабинетище, а сам, – он бросил глаза на верх окна, где под крышей желтело старое гнездо, – а сам в ласточкину резиденцию. Оттуда стану чирикать-предводительствовать. Не улыбайтесь... Пока весна, у пташек потомство... Не выселишь... А вот брызнут птички по югам, ключ от этого моего кабинета будет у вас!

Какая весна, когда на дворе ещё зима? Где, какие птички?

Таисия Викторовна смолчала про птичий каламбур.

Неси, что угодно, лишь бы к делу правился.

Раньше прилёта птиц уваялся Грицианов на юг.

В отпуск.

Ключ отдал Таисии Викторовне:

– Можете вести приём в моём кабинете.

Не чуя под собой ног от радости, она весь месяц носила его ключ с собой. Зато в кабинет так и не посмела войти. Да в кабинете ли счастье? Главное, на конце концов, лечила она в открытку. Не таясь! А большего ей и не надо.

Но всякое счастье границами мечено.

Возвращается утомлённый ласками юга, местами, кажется, слегка обугленный Грицианов, а ему ещё в его приёмной с трепетом вручают правительственную телеграмму.

**КОМАНДИРУЙТЕ МОСКВУ ИНСТИТУТ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ ВРАЧА
ЗАКАВЫРЦЕВУ ВСЕМ МАТЕРИАЛАМИ ЛЕЧЕНИЯ РАКОВЫХ БОЛЬНЫХ РАСТЕНИ-
ЯМИ = ЗАМСОЮЗ МИНЗДРАВ КОЧЕРГИН**

Вот тебе и дуда!

Вызвал Грицианов Таисию Викторовну. Открыл кабинет, впустил её первой и ключик ткнул себе в карман.

И всё это молча, сопком.

Таисия Викторовна шуткой-пробавкой и напомни:

– Ласточки вроде ещё не прилетели.

– Главная ласточка, извините, прилетела, – мрачно показал на себя Грицианов. – И там ей, – потыкал в верх окна, в летошнее гнездо, – очень тесно.

Таисия Викторовна не поймала, шутил он или не шутил.

Под конец какого-то унылого и пустого послеотпускного разговора он чуже пошатал головой:

– Я вот, мягко говоря, удивляюсь вам... В мой отпуск вы, правда, в отгульные дни, осчастливили Москву своим визитом. Сколько пели мне про всякие достопримечательности, которые

²⁵ Жмурня – морг.

вы удостоили своим высоким вниманием и любезно посетили. Только что же вы и не заикнулись, что летали в минздрав?

Таисия Викторовна дрогнула.

– А разве что-нибудь есть?

– Вам ничего нет и, сабо самой, не ожидается. Идите.

Грицианов чувствовал себя околпаченным. Провести стреляного воробья на соломе! Ухватистая ж пташка! Тут глазки не смеет поднять, еле чиликает этакой невинной канареечкой, через стол не совсем разберёшь, а её чиликанье слышно в самой Москве!

Про телеграмму он умолчал. Сделал вид, что никакой телеграммы не было. Однако это вовсе не означало, что её действительно не было.

«Она не сказала мне, что самоволом наведывалась в министерство, я по-джентльменски смолчу про телеграмму. Следовательно, мы квиты», – подвёл он черту и забыл думать о какой-то там телеграмме.

А через неделю уже ей домой приявилась телеграмма.

ОБЛАСТНОМУ ОНКОЛОГИЧЕСКОМУ ДИСПАНСЕРУ МИНЗДРАВ ОМ СОЮЗА
ДАНО УКАЗАНИЕ КОМАНДИРОВАТЬ ВАС МОСКВУ ИНСТИТУТ ЛЕКАРСТВЕННЫХ
РАСТЕНИЙ СООБЩИТЕ ЛЕНИНО ДАЧНОЕ МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛЕКАРСТВЕН-
НЫХ РАСТЕНИЙ ВРЕМЯ ПРИЕЗДА

=ДИРЕКТОР ИЦКОВ

Растерянная, раздавленная неизвестностью, Таисия Викторовна молча отдала Грицианову свою телеграмму. Он наискоску пробежал её безразличным взглядом, кинул на стол вниз лицом.

– Гм... Видали, сообщите им время прибытия английской королевы!

Таисия Викторовна механически подтвердила:

– Да, да... Время...

– Так вот и сообщите: ни-ког-да!

– По... почему?... Меня ж не на блины...

– Не знаю.

Таисия Викторовна опало выдохнула:

– Бы-ыстро вы откипели... Что случилось?

– Это вы спросите себя. И вообще, кто старое помянет, – Грицианов силой заставил себя соорудить улыбку, – тому кое да что долой!

– Согласна. И всё же почему вы отпихиваетесь от борца?

Грицианов отяготительно подпёр щёку рукой. С горькой иронией молча закивал:

«А потому, что дарило уплыло, осталось одно купило, как говаривала одна бабуса. Борец уплыл, остался один клоун... Покорный ваш слу-га-с... Разбежался хренов бабай подпереть свою докторскую борцом. А ты на весь свет и раззвони про борец. Даже в самой в Москве уже знают! На кой же чёрт мне теперь «дружиться» с тобой да целовать пуп тебе? От тебя, канареюшка, теперь и крошку не умкнуть... Всем же известно, кто подлинный автор, а кто примкнувший бамбуковый долбонавт... В таком разе я и вообще нахлопну твои борцовские штуkenции! Вот только дай разойтись туману! Вот только дай послушать, что ещё сыграет на флейточке нам свет наша Белокаменная!..»

Через облздрав достучалась Таисия Викторовна. Пустили её в Москву.

Да пока бегала со своей горькой слезницей по высоким кабинетам...

Прилетает в министерство, а ученый совет, куда звали, уже прошёл, отшумел. Без неё совет рассмотрел её заявку, разрешил клиническое испытание борца.

Врасполох узнала про всё про это Таисия Викторовна в приёмной министра и на радостях пустила росу, а там и вовсе разлилась навзрём.

Её успокоили.

Говорят, поберегите слёзы, они вам ой как ещё понадобятся, а сейчас к делу. Готовьте настойку, пишите инструкцию, как ею пользоваться.

Таисия Викторовна приоткрыла на ладошку дверь, увидала, что Грицианов не один, а с Желтоглазовой, дёрнула к себе ручку.

– Не-ет! – шумнул Грицианов. – Вы уж окажите, пожалуйста, милость. Войдите уж, пожалуйста! Тараньте нам поскорей горячие московские новостёшки!

Делать нечего. Он видел. Надо идти.

Как-то боком, опасливо Таисия Викторовна засеменила к Грицианову.

– Вот... – с облегчением проговорила, подавая вспотевшими руками министерскую папку.

Грицианов настороже раскрыл её, вонзил глаза в первый же лист.

– Ба-ба-ба! – холодея от ужаса, пробубнил он, подсаживая очки на лоб.

Очкам не хотелось лезть на лоб. Они то и дело валились на мягкий, мясистый нос. Раз а три Грицианов подсадил их снова, пока они наконец-то не присмирели на лбу.

Грицианов подал папку Желтоглазовой, сидела за столом рядом, и та, меняясь в лице и в страхе выбуривав шарёнки, потянулась к папке безо всякой охоты, не дотянувшись, на полпути задержала свои руки, а дальше подать ей папку у главного не было ни сил, ни видимых желаний. Так они и глядели в недоумении друг на друга со встречно выставленными руками.

– Да возьмите же! – шёпотом прикрикнул Грицианов, и Желтоглазова, точно прищипленная лошадь, вздрогнула, инстинктивно дёрнула к себе папку, видимо, боясь того, что было в ней. – Читайте!

Желтоглазова тупо пялилась то в верх лощёного листа, то на Грицианова, трудно хлопала жёлтыми глазами, а ни слова не могла произнести, хотя и порывалась.

Грицианов выжидательно поставил локти по край стола, срезанно уронил подбородок на сцепленные пальцы.

Закавырцева держалась за спинку свободного стула, всё не решалась сесть.

Он пригнул мизинец. Садись!

Повинуясь, Таисия Викторовна бесшумно села.

«Ты привезла, – думал он, – смертный приговор моей докторской. Теперь ты мне нужна, сабо самой, как медведю летом пимы. Больше мне с тобой дипломатию не размазывать... Не спи, Грицианов, а то умёрзнешь! Война! Война!! Открытая!!!.. Третья мировая война!»

Он покосился на Желтоглазову – та всё не решалась начать читать.

– Вы что? Читать не можете?

– М-могу... Я м-могу... – И быстро перенесла взгляд на лист. – *«Утверждена фармакологическим комитетом ученого совета Минздрава СССР 12 февраля 1955 года... Инструкция номер 194 по клиническому испытанию настойки борца, приготовленной по госфармакопее, для лечения раковых больных...»*

Она спрашивающе посмотрела на него. Он пошевелил мизинцем. Довольно!

Она опустила папку на стол.

– К счастью, – сожалительно заворчал Грицианов, – вы нас не огорчили и не обрадовали. Только, сабо самой, озадачили.

– То есть? – тихо спросила Таисия Викторовна.

Грицианов что-то сказал, но Таисия Викторовна не услышала. И вовсе не потому, что у него вдруг голос пропал, а потому, когда он, отвечая, не без злого поджигающего укора глянул на Желтоглазову, и та, поняв его злой взгляд как команду к нападению, заблажила по-бабьи визгливо, сорванно, так что забила и грициановский голос:

– Почему вы работали за спиной учёных?.. Почему с ними не делились?.. А теперь мы гни на вас горбушку? Н-не ж-жалам!!!

– Простите, это вы-то учёные? – мягко, выдержанно уточнила Таисия Викторовна у академической племянницы Кребса.

Кребс пока профессор.

Но будет же он когда-нибудь академиком, и его любимой племяннице загодя, авансом щедрая молва прилепила титул академической.

– Есть учёные и повыше! – Желтоглазова обеими руками повела в сторону Грицианова и, безглаголиво ударя ладонью о ладонь, как бы стряхивая с них ядовитую пыль разговора, недостойного её, демонстративно вышла.

– Это, – Грицианов посмотрел на закрывшуюся дверь, – был глас, так сказать, народа. Рядовых врачей. А вот голос руководства...

Грицианов подвигался в кресле, угнездываясь поудобней, попрочней, и, выдержав паузу, похолодел лицом.

– Тайга Викторовна...

Таисия Викторовна напряглась.

Когда Грицианов хотел выпятить крайнюю степень недоброжелательства, всегда называл её по паспорту. Тайга Викторовна. С одной стороны, вроде строже, официальной, а с другой – уязвимей. Мол, что с тобой талы-балы городить, раз ты тайга тайгой!

– Уважаемая Тайга Викторовна! – не глядя на Закавырцеву, сухо забунтил Грицианов, зажёвывая концы слов. – Я главный врач и, следовательно, отвечаю за проводимые в диспансере лечения... Я считаю данные эксперименты в условиях нашего диспансера неприемлемыми.

– Сердце не терпит... Странно... – поникло возразила Таисия Викторовна. – Пока... От таких новостей и язык потеряешь... Пока о моём препарате знали лишь вы да я, вы разрешали его применять. А сейчас, когда им заинтересовалось само министерство и официально рекомендует испытать его у нас в диспансере непосредственно под моим наблюдением, вы вдруг зарачились напоятки?

– Ну... Что было вчера, – Грицианов опало прихлопнул обеими руками по столу, – то было вчера. А сегодня – это уже сегодня. Каждый заблуждается, и каждый по-своему...

Грицианов замолчал. Он не знал, что ещё сказать.

Молчала и Таисия Викторовна.

Молчание явно затягивалось.

«Грицианов, не спи. А то умёрзнешь!» – подстегнул он себя, и это накинуло ему духу. У него зыграли глаза, и он уже твёрже, напористей поломил вслух:

– Вот сейчас я узнал, что ваши, казалось, невинные капельки выкатываются на вседержавную арену. Каюсь, я испугался. У меня, как говорил один дворник, ум назад пошёл... Ну... Дать эти капельки одному, двум, трём безнадёгам... Но когда дело ставится на государственный поток... извините, я на себя такого риска не беру. Я не хочу никаких экспериментов! Я врач. Я лечу. Я хочу иметь уже готовые, проверенные препараты. Вы проверьте и дайте. Я буду спокойно лечить. А экспериментировать в широких масштабах на людях... Это знаете... Вы что же, думаете, у нас люди дешевле мышей? На мышах не испытывали – сразу давай на людях! Это не перехлест? А потом... Мне, да и всему диспансеру неизвестно, какие именно больные фигурируют в представленных вами *туда*, в министерство, – он ткнул пальцем вверх, – материалах. Не знаю, был ли у них действительно рак, проводилось ли предварительное лечение

лучами радия и рентгена, была ли надобность в применении ваших геркулесовых капель и тэдэ и тэпэ. Ведь всё это делалось вами лично без какого-либо контроля?

– А я, врач, что, не контроль? Или вы мне не доверяли? И – повышали? А десятки мною излечённых, кого вы лично смотрели потом? Вы что, себе уже не доверяете?

Грицианов скорбно сморщился.

– Ну, сабо самой, это не разговор... Что за базар? Доверяли, не доверяли... Одним словом, всё это заставляет меня возражать против испытания *ва-ше-го* препарата в условиях *на-ше-го* диспансера. Тем более, мы не научно-исследовательское учреждение. Мы не сможем объективно дать правильную оценку *ва-ше-го* метода.

8

Как на ватных, на неверных ногах Таисия Викторовна вышатнулась из диспансера и машинально, без мысли во взгляде побрела по улице.

Пожилый чинный мужчина в тройке, при бабочке, ждавший её у выхода, насторожённо хмурится. Да куда это дурёку покатило? Или у неё семь гривен до рубля не хватает?²⁶ Пройти мимо – и не заметить!

Короткотелый, точно обрубый, непомерно тучный, с игрушечно-крохотной головкой с кулачок, невесть как прилепленной к экой раскормленной, оплывшей квадратно-гнездовой туше, с невероятно долгими, толстыми руками, напоминающими рачьи клешни, – да и весь он, рачеглазый, походил на жирного рака в строгом чёрном костюме-тройке, – с минуту ещё в маете ждал, полагая, что она опомнится, догадается, что жмёт вовсе не в ту сторону и повернёт назад, к нему, но она уходила всё дальше, теряясь в тугой весёлой апрельской толпе.

Он всплыл на цыпочки – её уже совсем не видать!

Он оторопело поморгал белёсыми ресницами и ринулся следом с той отчаянной прытью, с какой кидается зазевавшаяся старая гончая за просквозившей добычей.

– Тай Викторна!.. Тай Викторна!.. – аврально вопил он, тяжело пробиваясь сквозь людскую литую тесноту.

Суматошные крики догнали её.

Она очнулась. Остановилась.

– Тайна Викторовна!.. Соболинка!.. Здравствуйте!.. – подлетая, бормотал он, задыхаясь с бега, тараща и без того сидевшие навылупке глаза и кланаясь.

Таисия Викторовна рассеянно улыбнулась.

– А-а, Борислав Львович... Вы...

– Я, я, Таёжка! Я!.. – захлёбывался он словами, плотно наклоняясь к её лицу, так что его могла слышать лишь она одна, и крепко, будто железными тисками, беря её за локоть.

Она положила руку на его руку, до боли твёрдо державшую её за локоть, подумала столкнись и не столкнула...

Познакомились они на первом курсе.

Ей было семнадцать, ему – сорок два.

В молодости он много болел. В порядке исключения разрешили ему поступать в институт.

Сдавал Кребс вступительные вместе с Таёжкой.

Их зачислили в одну группу.

²⁶ Семь гривен до рубля не хватает – психически ненормальный.

Уже в начале учёбы Борислав Львович нечаянно обнаружил, что ему улыбается случай стать мужем не только Таёжке, но и параллельно расшалившейся самой старенькой в округе кафедральной проказнице – Люции Ивановне.

Он задумался и, кажется, горько затосковал.

Что делать?

К какому берегу кидать чалки?

Борислав Львович был серьёзный человек, обстоятельный. К тому клонили, обязывали высокие лета.

Как человек степенный, осторожный он занялся налегке бухгалтерией, севши за счёты.

Таёжка молода, соблазнительно хороша. Всё пока чики-брики. Одно очко. Но!.. Положение – ноль. Перспектива – прозябание где-нибудь в нарымской Ривьере по распределению. Минус очко. Итого имеем круглый ноль. Полный трындец! Лешак его знает, что за жизнь? Кроме вечного рака головы²⁷, что с нею наживёшь? Потрясение мозгов!

Прокрутим вариант с шалуньей Люцией Ивановной.

Люция Ивановна достопочтенна, скромно говоря, николаевская невеста, но искренне тянется в соблазнительно хорошенькие. Желание вполне похвальное, однако, увы, неисполнимое: она на двадцать пять лет старше Бориски. Знамо дело, при всём горячем желании это в плюс не впишнётся. Минус очко.

Ах, этот минус! Сдвинуться с ума!

Борислав Львович осерчал на закон.

Ну что это за закон – нельзя взять даже две жены? На Востоке вон раньше табунами огребали – и ничего, сатана тебя подхвати!

Нам табун не нужен, нам и две достаточно. Мы скромны, мы без байских замашек. Нам бы к красоте и молодости Таёжки пристегнуть всё то, чем владеет Люция Ивановна – и мы на гребне сбывшейся мечты! Сразу б начало светать в мозгах²⁸. Полный же шоколад!

Но – закон-жесткач!

Выбирай. Эта – на двадцать пять моложе тебя, та – на двадцать пять старше тебя. Кругом пендык! Как выбирать?

Борислав Львович покопался в пустоватых закоулках своей памяти, вымел кой-какую любопытную мелочишку. Вспомнил, что отец Конфуция был старше своей жены на 54 года, отец Бородин на 35, Бальзака – на 32, Гончарова – на 31, Генделя – на 29, Лондона – на 24, Гёте – на 22, Ковалевской – на 20...

Это выбрыки папашек-гениев.

А что же сами гении?

Имре Кальман выпередил свою благоверную почти на тридцать, Достоевский – на двадцать пять, Сталин – на двадцать, Толстой – на восемнадцать...

И кинь-верть, и верть-кинь – всё равно. Всё льётся в одной колее. И у сынов трактовка отцов.

Под момент вспомнилось, что «в процентном отношении больше всего выдающихся людей родилось у отцов в возрасте 37–39 лет (пик рождаемости талантов)».

Ну, заоправдывался Борислав Львович, нам талантов не рожать, поезд с нашим пиком убежал. Однако мужики – козлы вертоватые. Всё токуют подле свежатинки, подле батончиков. Молодых завлекалочек и так разнесут на руках по загсам, да кто ж пожалеет стареньких?.. Какой-то антикварный баян?..²⁹ Безнадёга?..

«Я как Достоевский, только наоборот», – коряво подумалось.

²⁷ Рак головы – трудности, проблемы.

²⁸ Светать в мозгах – приходить в сознание.

²⁹ Антикварный баян – полная бессмыслица.

Его подпекало вывернуть себе оправдательный пример из истории, чтоб с маху затыкать злые рты. Но, как он ни бился, ничего утешительного на ум не набегало, выгреб лишь один пустячок. Отец Ивана Тургенева был моложе своей жены на пяток годков. Не густо-с...

«Зато я сигану на все двадцать пять! Первый и последний в мире. Только запишут ли в историю мой подвиг?»

Цена подвига его согревала.

Он знал, что большие года – не единственный и не самый крупный бриллиант башливитой Люции Ивановны.

Смотри да считай!

Варяжистая Люция Ивановна – кафедральная старушечка. Заведует кафедрой акушерства и гинекологии. Ни больше ни меньше. Его Величество госпожа Кафедра! Плю-юс очко.

Профи, то есть профессор. Опя-ять очко.

Как ни странно, Люция Ивановна, извините, невинна. Говорят, ещё в начале века она вроде окончила и институт благородных неваляшек. Гордая неваляшка! По слухам, всё со звёздочкой³⁰ – не с октябрытской! – скачет. До шестидесяти семи донести невинность и не расплескать – это вам не засушенный фиговый листок сохранить меж книжных страничек. Хоть с натяжкой, но это то-оже плюсишко.

Дальше. Бежим дальше.

Кончает Боба институт. Остаётся, примирает при кафедре. Плюс.

Люция Ивановна по ускоренной схеме лепит из Бобы учёного льва – в две тяги ватлают кандидатскую (участие Бобы чисто символическое), и Люция Ивановна защищает её от провала. Плюс.

Потом защищают докторскую. Плюс.

Боба тоже уже профи, то есть профессор. Плюс.

Боба берёт в свои белые ручки кафедру, а Люция Ивановна гарантирует её передачу именно ему, поскольку *туда* просто не принято брать. Плюс.

Потом Люция Ивановна вообще удаляется. Сделала дело – умирай смело!

Alles oder Nichts! Всё или ничего!

Говорят, в горячности разум теряешь. Только это, пожалуй, не про Бобу. По его сведениям, он ничего не потерял.

И Таёжку, и Люцию Ивановну он высоко оценил. Ту и другую назвал кучками золота. Недолго, век-то жить – не в поле ехать – он горевал, сидя между этими кучками. Сказал себе: из двух кучек золота выбирай большую и не колеблясь выбрал Люцию Ивановну со всеми её обременительными причандалами: с её заплесневелой, престарелой невинностью, с её профес-с-с-сорством, с дорогой кафедрой и пр., и пр. Брать так брать всё в комплексе. Как комплексный ужин. И он мужественно взял госпожу Кафедру.

Лихая бухгалтерия!

А вместе с тем и точная.

Всё так и повернулось, как Борислав Львович наплановал.

Он давно профессор. Кафедра давно его. Люции Ивановны давно уже нет и в помине. Сделав дело, как-то не стала долго без толку толочься. Прозвенел сладкий звоночек. Природа позвала к покою, ко сну, и Люция Ивановна, как-то смирно, стандартно поохав, угомонилась. В общем порядке подала заявление на два метра и ей великодушно не отказали.

Таисия Викторовна всё же содрала его цепкую руку с локтя.

Кребсу это не понравилось, и он, перебарывая себя, натянуто хохотнул:

– Так вы домой?

³⁰ Звёздочка – девственная плева.

– А куда ж ещё вечером?

«Ух и пуржит жизнь! Ух и пуржи-ит! – веселея, подумал он. – Видать, этот савраска без узды, Грицианишка, чувствительно тебя потрянул, если, возвращаясь домой, скачешь ты, дорогая наша бухенвальдская крепышка³¹, в противоположную от дома сторону!»

А вслух вкрадчиво проворковал, мягко, по-рысьи ступая рядом и влюбовинку оглаживая рукав её отёрханного, ветхого пальтишка:

– Позвольте вас, русяточка, уведомить. Пока вы удаляетесь от дома.

Таисия Викторовна остановила шаг, неверяще огляделась.

«И правда... Вот глупёха! Совсем памороки забило...»

Её полоснуло, что совсем чужой человек оказался невольным свидетелем её беды.

– А вам-то что нужно от меня? – пыхнула она. – В провожалыщиках я не нуждаюсь. Откуда вы взялись?

С ласковым укором – детям прощаются капризы! – Борислав Львович погрозил пальчиком:

– Не позволяйте себе так грубить заслуженному работнику органов³². Не спешите меня изничтожать. Я вам изх как нужен!

– Вы – мне?

– Я – вам. Потерпите, чудо увидите!.. Я был у себя дома, – широко, наотмашку вскинул он руку, показывая на закиданное облаками тёмное небо. – Вдруг входит ко мне в келью сам Господь Бог и велит: «Раб мой, доброму человеку худо на земле, спустись, помоги». Вот я и возле вас...

Таисия Викторовна брезгливо покосилась.

– Театральничать в ваши годы... Тошнотно видеть! У меня сегодня гадчайший день. Хоть глаза завяжи да в омут бежи... Я потеряла всё... – надломленно пожаловалась она.

– Сегодня у вас самый счастливый день! Сегодня вы приобрели всё! – властно возразил он, целуя её в руку. – Как вы говорите, это не баран чихал! Рано вам ещё бросаться с баллона!³³

Она удивилась, почему дала этому дюндику³⁴ поцеловать себя, почему не выдернула руку. Она пристыла в напряжении, отчего-то ожидая, что скажет он ещё. Она почему-то поверила тому, как он всё это сказал.

– Сверху прекрасно видать всю смехотворную мышкину возню. Вы ещё не вышли из грициановского гнезда, а я уже дежурил у выхода. Не надо мне ничего рассказывать, я знаю всё, о чём вы там говорили, чем всё кончилось. А теперь скажу я. Единственный человек, который потерял... действительно потерял сегодня всё, – это сам Грицианов. Да! Да! Не удивляйтесь. Вам одной круто. Одной рукой и узла не завяжешь... Как вы думаете, зачем я здесь? Неужто станет орёл мух ловить?

Таисия Викторовна пожала плечом и медленно взяла назад, к дому.

Слегка наклонившись вперёд, Борислав Львович посыпал шажки рядом, ставя ноги шире обычного, надёжно, будто шёл по кораблю в штормовом море.

9

– Не смотрите, милочек, что я व्यюноша далеко не первого разлива... У старого козла крепче рога. Я ваша вторая рука... Я человек простой...

³¹ Бухенвальдская крепышка – об очень худой женщине.

³² Работник органов – врач-гинеколог.

³³ Бросаться с баллона – умирать.

³⁴ Дюндик – малорослый человек.

Таисия Викторовна вежливо кивнула и насмешливо подумала: «Простой как три копейки одной бумажкой...»

Она знала, не тот Кребс человек, кто с пуста шатнётся в драку. Этот аршин с шапкой не кинется с пуста ломать рога.

– И каковы в таком случае ваши условия? – прямо рубнула она.

Кребс не ожидал такого вопроса в лоб и с мелким, неохотным смешком ответил уклончиво:

– Не паникуйте за свою долю. В любом случае половина яйца лучше, чем целая и пустая скорлупа.

Она тоже перешла на ироничный тон:

– Спасибо и за половинку... Не обошли... Но не рано ли делить яйцо, которое ещё не снесено?

– Вот! Вот! – подхватил он. – Курочка в гнезде, яичко чёрт-те где, а мы бегаем вокруг курочки с раскалённой сковородкой... Милуша, умерьте ваш пыл. Если думаете, что изобрели ах штучку, то... Болтается меж учёными одна мрачная байка. Некий паганель³⁵ изобрёл нечто и требует: признавайте. Ему говорят, прежде чем требовать признания потрудитесь хоть пролистнуть всю английскую энциклопедию за последние этак лет двести, нет ли уже там вашего изобретения. Посмотрел, не нашёл. Говорят, ну полистайте теперь всю французскую. Нет и во французской. Настаивают, берите немецкую. Взял. Нету. Ему и отвечают: если нигде, ни в одной энциклопедии нету вашего изобретения, то кому такое оно и нужно?

Усталая улыбка безучастно потрогала её лицо.

– А вы... А вы всё такой же, неисправимый болтунок.

– Увы. Только гробовая доска исправит.

– Похоже. Никакие вас годы не мнут.

– Слабб им! – торжественно приосанился Кребс. – Не кисляйка какой, чтоб поддаваться годам. Я сам их ломаю... Кого хотите сломаю, но горя к вам не подпущу! – с неожиданной страстью намахнул он.

– Это что-то новенькое...

– И я попробую открыть вам на него глаза, мамочка, – вкрадчиво шепнул Кребс, цепко беря её за локоть.

Она не сняла его руку с локтя. Напротив. Пошла тише, ладясь под его короткий шаг, напуская на себя беззаботность:

– Сделайте уж милость, откройте, пока странное любопытство подогревает меня.

– Знаете, что в городе о вашей доброте ходят легенды?

– Даже так? Это очень плохо?

– Очень! Почему вы бесплатно раздаёте свои чудодееи-капельки, как навеличивают вашу настойку? Откуда такая бессребреница? О натюрель!.. Я преотлично знаю ваше генеалогическое древо и что-то не выудил из анналов старины, что оно от рокфеллеровского корешка! Разве вы берёте корень у барыг за спасибо? Разве спирт на настойку вам тоже дуриком достаётся? Так чего ж вы своё отдаёте за так?

– Я отдаю больным.

– А разве аптека продает лекарства только здоровым?

– Так то аптека. У меня и мысли не было брать деньги.

– Ах, какие мы добренькие! Ах, какие мы хорошенькие! Да похвалите, пожалуйста, нас поскорей! Может, кто-то и хвалит, да есть и хохочут! Вы стесняетесь взять с человека своё заработанное честно, а он, умняра, не стесняется доить вашу доброту. Раз по разу хоп и хоп у вас пузырьёчки. Ему уже и не надо, а у него руки зудятся, горят нашаромыжку потянуть с рото-

³⁵ Паганель – научный работник.

зинихи, коль можно, и, не в силах удержать себя, берёт дальше, берёт на всякий аховый случай. И такой случай наворачивается. У вас кончилось. Вы с извинениями говорите больному, что пока нет настойки. Он в печали уходит от вас, а на углу его... в конце вашего же тупичка... у вас же в вашем Карповском переулке, перехватывает шельмоватый этот запасливый хомяк, про запас нахапавший внахалку выше глаз, и предлагает ваши же капли за бешеные капиталы! И тот по-ку-па-ет. А куда деваться?

– Ну, чего сплетни сплетать?

– Это правда, но не главная правда. Главная правда в том, что там, – Кребс яростно потыкал оттопыренным большим пальцем за плечо, назад, где был диспансер, – вас уронили, а здесь, – величаво повёл рукой вокруг, – а здесь, на тёмной этой улочке вас подняли! Да не без моей помощи. Помните, ребёнок растёт, падая и вставая... па-дая и вста-вая, па-дая и вста-вая... В эту минуту вы получаете в моей институтской клинике десять коек... Испытывайте на здоровье свой борец!

– Что вы сказали? Повторите... – остановив дыхание, одними губами прошептала Таисия Викторовна.

Кребс подумал: «Разве краб проживёт без клешней?», а вслух сказал:

– Ничего особенного... Жалко, почему вы раньше мне ни гугушки про своего борчика? Без митинга я б отстегнул вам места, оградил бы от десятого вала грициановского кланчика... Ну-с, с этой минуты, милочек, у вас, повторяю, десять коек в моей клинике. Работайте на здоровье. И вот вам на верную помощь моя рука.

Он барски подал ей руку.

Она в растерянности взяла её обеими своими руками, прижалась к ней щекой и заплакала, наклоняясь перед ним всё ниже, ниже.

Кребс всполошился.

– Таёжик! Что вы делаете? Не плачьте... Поднимите лицо... Прохожие что подумают? Втихую избиваю и плакать не велю...

Она не слышала его и плакала-благодарила.

Чем прекратить эти слёзы? Чем её поднять?

– Даю при условии, что вы запишете меня к себе консультантом, – запоздало напомнил он.

Не отрывая лица от уютного тепла его ладони, она подтвердительно качнула головой. Согласна!

– И сразу первый вам совет. Тяжёлых больных не брать!

Таисия Викторовна перестала плакать.

Подняла голову.

– Почему? – буркнула отчуждённо. – Поступит человек с четвёртой стадией – и что, показывай ему на дверь?

– Показывай! – жёстко рубнул Кребс. – Видите... Везут человека по татарской дороге³⁶, везут, разумеется, на кладбище, на этот «склад готовой продукции», а по ошибке примчали к нам в клинику. Из этого вовсе не следует, что от нас он побежит своими ножками домой. Я лично не уверен, что он у нас поднимется... Я не могу рисковать репутацией своей клиники, наконец, своей собственной репутацией. Если мы сейчас забьём клинику едва тёпленькой публикой, то где гарантия, что у нас она не сделает последнее – остынет? Какие слухи взорвут город? У Кребса не клиника. Сплошная расфасовка³⁷! Туда ехать можно, но только предварительно заказав гроб! Вас такая репутация веселит? Лично меня знобит!

³⁶ По татарской дороге – в последний путь.

³⁷ Расфасовка – морг.

– Так ведь институтская клиника – и не базар. Это на базаре вы за свои денюжки можете набрать, скажем, яблок, какие на вас смотрят. А в нашем деле выбора нет. Что подали... Что подвезли, то и принимай.

Кребс уныло поморщился.

– Боюсь, наживу я с вами рак головы... На меня смертельную нагоняют тоску ваши фантазии дилетантки. В полупустую корону клиники вы должны добыть богатые жемчуга, а не булыжники. Жемчуга нужны! Жем-чу-га! И не мне одному! И вам! Прежде всего вам! Вашему методу! Вашему борцу! Нужен звёздный взлёт! Обвальный успех! Каскад! Карнавал! Незатухающий вулкан успеха!.. Тогда народище хлынет к вам. Вознесёт! Воспоёт! Но если мы в своей клинике будем корячиться исключительно на своих могилокопателей, – они ж нам с вами будут рыть могилу! – город капитально забросает нас камнями. Вы погубите и свой метод, и себя, и меня!

Молотил Кребс с тем безотчётным, неуправляемым энтузиазмом, когда грохочущему потоку напыщенной, бессвязной речи не было видно ни конца, ни мало-мальской ясности.

– Совсем зарапортовались, – кротко перебила его Таисия Викторовна. – Никак не вырываете на главную мысль.

– С вами, милочек, вырулишь! Поясняю... Мы берём, хотя б на первых порах, больных полегче. От нас они выскакивают здоровенькие. Подправляется реноме клиники, наш метод вежливо, и надёжно вырывает поддержку в верхах. Мы на коне! Отогреваемся в лучах... славы... А чтоб были лучи, не должно быть четвёртой стадии. Излечение в четвёртой стадии равносильно чуду и то неземному. Так что лучи и четвёртая несовместимы.

Таисия Викторовна уставилась на Кребса в глубокой задумчивости.

«Почему он о моём методе говорит как о *нашем*? Неужели у него на плане вмазаться в соавторы? Ну что ж, этого и следовало ожидать. Разве руки гнутся от себя, а не к себе? Было б озеро, черти наскочат... Без личной выгоды зачем ему дарить мне десять коек в его клинике? Но заупрямься я на четвёртой – вообще к клинике не подпустит. Потеряешь всё! Мда-а... Гладкая дорожка, а не перейдёшь...

Что же делать? Что? Спасать разом всё – заживо хоронить всё! Не умнее ли на первой поре уступить, поддакнуть, кинуть в жертву четвёртую, а там, закрепившись, и за эту малость вступить? Как это один говаривал... Кажется, главное ввязаться в драку, а там кто-нибудь по шее и даст? А может, и не даст. Главное, хоть как-то ввязаться, хоть как-то начать...»

– Конечно, – Таисия Викторовна сожалеюще покивала головой. – Раз вы нашли несовместимость крови у людей с четвёртой стадией, так нельзя это не брать в резон... Не посидеть ли пока в тенёчке госпоже Четвёртой?

– Наконец-то я слышу дело! – Кребс ободрительно тряхнул её локоть. – И то... Разве, спасаясь от беды бегством, любят природой? Не-ет... Вот мы и уговорились. Можно расходиться. Только прежде разрешите по старой памяти проводить вас до калитки.

– Если не устали...

– Возле вас устать?! – воскликнул он. – Да возле вас с каждым шагом по году с плеч сваливается! Я чувствую себя возле вас совсем молодым, прытким, лёгким. Как *тогда*...

Тогда, в студенчестве, он на первом курсе провожал её до калитки и возвращался в общежитие уже на первом свету. Странно. *Тогда* адски тёмных ночей почему-то не было. Сколько помнит, все ночи в этом её тупичке были с какой-то волшебной светлинкой. Не то что сейчас.

Они шли рядом, и он не видел её лица.

Он хотел спросить, почему сейчас такие чёрные вечера, но счёл свой вопрос нелепым, не стал спрашивать.

«Что он впился, как вошь в кожу?» – беззлобно подумала она, недовольная тем, что он поддерживал её за локоть.

Она резковато качнула локтем.

Кребс отпустил его, оправдывая её невежливость: «Близко дом... Опасная зона... Нам ли разгуливать под ручку? А вдруг навстречу муж или из соседей кто? Зачем же наводить на Таёжку компромат? Да и сам могу поймать по мордаскам...»

Дальше молчать было просто неприлично.

Кребс задумался, что бы такое спросить, и даже охнул от восторга, когда вопрос всё-таки стоящий набежал.

– А вы не откроете служебную тайну, кто первый принял ваши капли? Вы помните того человека?

– Я сама... Моя игрушка... С себя и начинай.

– Вы-ы? – как-то огорчённо удивился он, опечалившись не тем, что это была именно Таисия Викторовна, а тем, что ответ ему так скоро нашёлся. – И... Как всё это было?

– Да как... Начинала с пустяка. С одной каплём. Капля для человека, что слону дробина. По одной три раза в день. Через неделю уже по две. На пяти каплях почуяла... как-то угнетает...

– И перекинулись давать больным?

– Нет. После себя проверила ещё на кошке. Сразу боялась ей давать. А ну примрёт?.. Ну, моя игрушка сама поиграла первая... Не отравилась. Как-то кошка теперь примет мои капли? Давала с молоком, с супом. На пятой учуяла – как человек! – запротестовала, не взялась есть. У меня не она, а он... Не взялся есть мой бедный Мурчик...

Кребса так и осыпало морозом.

– Совершенно белый кот, лишь одно ухо, правое, забрызгано чёрными крапинками? – отшатнувшись, выкрикнул он, поражённый.

– Совершенно белый кот, лишь одно ухо, правое, забрызгано чёрными крапинками! – слово в слово подтвердила Таисия Викторовна. – Вы-то откуда знаете моего кота?

– Это мне-то не знать своего кота? – как-то неестественно, дураковато хохотнул Кребс и навалился объяснять: – Люция Ивановна была помешана на кошках. Дюжины с три держала. Не ребятёжь – кошки задавили... Не терпел я их, а потом притёрся, привык. Грома-адное кошачье наследство отписала покойная. Всему городу раздаиваю её кошек, а они всё назад сбегаются. Что они никому не нужны, что я... – горестно выронил он.

Ему вспомнилось, как дворничиха, ширкая сегодня утром под окнами метлой, пожалела его какой-то старухе, сказав: «Один, как перст!» Он уже не спал, слышал весь их разговор, и слова про то, что он в свете один, как перст, сломали его. Он заплакал в холодной постели.

«Один, как перст», – сокрушенно повторил он в мыслях. Ему стало жалко всё вокруг и дальше он говорил уже так – всё жалея:

– Я их, кошек, вроде и жалеть начал... Мурчик мне нравился, да не стерпел, подарил вашей Миле. Дочка у вас – совершенная очаровашка. Только очень уж худа, как игла.

– А вы хотите, чтоб была, как мешок с зерном?

– Конечно, и мешок ни к чему... Когда я её вижу, меня обжигает такое чувство, будто лично я ей отец.

Таисию Викторовну бросило в огонь. Колко отстегнула:

– Спешу вас авторитетно успокоить, чувства вас обманывают.

– Да, да, – опечаленно согласился он. – Жизнь ушла, под старость лет ни одного не пустил я своего росточка... Кем прорасти в завтра? Не кем, а чем... Кладбищенской травой... Крапивой там... чертополохом... тринь-травой...

– Что вы себя опеваете? – рассердилась Таисия Викторовна. – Ну что зубы-то пилить?³⁸

– Правдушка ваша, – твердея, ответил он, набираясь духу, через силу улыбаясь. – До тринь-травы мы ещё... Вернёмся к Мурчику. Как судьба удачно-то завернула! Ну Мурчик! Ну

³⁸ Зубыпилить – болтать попусту.

Мурчик! Он снова нас свёл... В опытах вы пили свою долю, а Мурчик – мою. Теперь скажите, милочек, что я на равных с вами не участвовал в открытии борца?!

Кребс игриво выбросил вперёд одну ногу, изловчился, низко наклонясь, хлопнул под нею в ладошки и, не устояв, пал на попенгаген.

Всегда безукоризненно чисто одетый, всегда педантично важный, Кребс, не без оснований носивший прозвище *стерильный Кребс*, поверг Таисию Викторовну в недоумение. Изгвазданный с ног до головы, обмакнутый в грязь, он стоял, понуро раскрылив руки. С пальцев катилась чёрная жижица.

– До калитки, Тайна Викторовна, я вас проводил, – потерянно пробормотал он. – Но руки вам пожать не смогу... Я вас выпачкаю... О натурель...

10

Закавырцевский борец неслышанно набирал силу, власть.

Скоро весь Борск только и гудел о нём.

Кребс ходил гоголем, ни с кем не обмолвился и словом без того, чтоб не подхвалить борца. Хотя хорошая вещь крикламы не требует, но кому реклама мешала?

Как-то Таисия Викторовна погоревала вслух при Кребсе, хорошо бы всё-таки испытывать борца не только в институтской клинике, но и у себя в диспансере, где работала, под своим непосредственным постоянным наблюдением.

– Бу сделано, соболиночка, – меланхолично пообещал Кребс и съездил в облздрав.

Пришлось Грицианову выжимать десяток коек под борца.

Укрепил Кребс прежде всего себя.

В шутку он подпускал, что его историческое место во все времена впереди и с шашкой на белом коне. Всякая шутка правдой жива. Он был ведущий консультант у раковых гинекологичек у себя в клинике, стал им и в диспансере. Подмяв два таких трона, позволит ли он теперь плюнуть себе в лицо, допустит ли, чтоб борец дал в диспансере результаты, не устраивающие его, Кребса?

Была пора, диспансер наотрез отмахнулся от борца. А тут, пристыженный успехами в кребсовской клинике и поталкиваемый облздравом, снова покаянно шатнулся к борцу.

Борск очумело разинул рот.

А придя в себя, потребовал от Кребса:

– Глубокоуважаемый Борислав Львович! Не хватит ли нам коридорно-уличных сладких песнопений? Однажды соберите всех нас в кучу да покажите, что за мболодец ваш борец. Тогда и мы поймём, чего вы с ним носитесь, как Маланья с ящиком.

– И соберу! И покажу! – тронно отвечивал Борислав Львович.

Однако время шло.

Борцовские смотрины всё отодвигались, всё отодвигались.

Борислав Львович не находил места. «Чьим представлять этот проклятый борец? Закавырцевским? Ш-шалите! Зачем же генералу подсаживать солдатику в маршалы? Зачем обставлять самого себя? Это накладно. Это нерентабельно.

Может, преподнести его как *наш борец*? А Тайга-Таёжка не вскинет норку? Не покажет коготки? Не захнычет ли на весь город: “Дедюка³⁹ отнял пирожок!”

А что?.. Тайга-Таёжка – мой остров сокровищ! А что, если мы этой Тайге, извините, застегнём роток женитьбой? Самой вульгарной, самой банальной?.. О женщины! Вами движется жизнь. Вы – вечный двигатель жизни! За Люцийкой Ивановной я умкнул кафедру, клинику, чин профессора. А за Тайгой с её борцом разве не вырву я себе академика? Выр-ву.

³⁹ Дедюка (детск.) – чудище.

Обязан. Поначалу будет “Борец Кребсов”, потом вывеску я заменю на “Борец Кребса”. Так звучней, конкретней, солидней, надёжней. Щекотнётся наша Тайга! Нечего нарымской сви-стухе ошиваться в науке, историческое место жаны на кухне!»

Такой план пленения борца разогрел Кребса.

Под момент он боковыми словами, обиняками намекнул Таисии Викторовне на разже-нёху, на развод. Мол, сотвори ручкой своему просветителю-рентгенологу и пускай не отве-чивает. Отбывай своим душевным теплом отогревать наши настывшие профессорские апар-таменты. Ну что, невестушка, не прочь покататься под кустиком⁴⁰?

Она приняла этот выверт как неуклюжую шутку. Однако выкатила ему на сто лет – кра-пивка и молода, а уже кусается! – так что у него сразу разошёлся интерес к женитьбе.

В голову полезла дичь.

То ему зуделось, чтоб Таисия Викторовна однажды взяла да и сделала предоброе дело – померла. Таисии Викторовны нет, а борец есть! Недурственно.

Как-то легко всё выбежало на пословицу: что бабе хотелось, то и приснилось.

Три ночи подряд он сладко видел, как Таисия Викторовна умирала. Ещё во сне вежливо ликовал, зато, пробудившись, едва прощурился, глаза, густо мрачнел. На всякий случай – а вдруг и правда? – на рани звонил каждый раз Таисии Викторовне домой по её номеру 59–96, слышал её жизнерадостный голос и совсем скисал, убеждаясь на собственном опыте, что сны, увы, химера, верный обман.

А то вчера наснилось, что борец, стройный орёлик, увешанный своими синими коло-кольчиками, в синем цилиндре, покручивая на синем пальчике синюю тросточку, пожаловал на кладбище.

Приподнимет чинно цилиндр, поклонится холмику, скажет: «Прощу!» – и холмик рас-ступается. Потягиваясь, как после сна, встает упокойник. Невесть чьи руки – человека всего не видно, видны лишь руки – подносят покойнику всё то новенькое, в чём провожали сюда. Он одевается.

Борец обошёл всё кладбище, оживил всех покойников и те разбежались, весёлые, по домам. Лишь у кладбищенских ворот остался лежать кладбищенский сторож. Он умер, убояв-шись наказания за то, что не устерёг мертвецов.

Кребс присмотрелся к сторожу и закричал.

У сторожа было его, Кребсово, лицо!

Этот сон подтолкнул профессора к решительности. Чего декламацию разводить? Чего тереться вокруг да около? Надо г-гох молотком – и гвоздь по самую шляпку в бревно!

Через неделю сияющий уверенностью Кребс принёс Таисии Викторовне тугую пачку листов величиной с ладонь.

– Я дам вам список. Разнесёте этот динамит, – тряхнул он пачкой. – В упор добьём последних скептиков!

Таисия Викторовна взяла пачку.

Чугунелым взглядом пристыла к верхнему листку.

ОБЪЕДИНЁННОЕ ЗАСЕДАНИЕ

хирургического, онкологического
и гинекологического

борских научных обществ

СОСТОИТСЯ В АКТОВОМ ЗАЛЕ БОРСКОГО

МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА 29 СЕНТЯБРЯ 1955 ГОДА, В 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

⁴⁰ Невеста под кустом – свадебный обряд: катание невесты на лошадях в повозке с кустом, на котором навешаны украшения.

ДОКЛАДЫ:

Профессор Б. Л. КРЕБС

ЛЕЧЕНИЕ РАКА БОРЦОМ (ДЕМОНСТРАЦИЯ БОЛЬНЫХ).

Ассистент У. Х. ПУПБЕРГ

Ординатор Н. И. НЕКИПЕЛОВА

Некоторые данные лечения борцом женщин,
страдающих раком половой сферы.
(Демонстрация больных)

«А где же я? Где?... Осталась остриженная?...»⁴¹

Таисия Викторовна ещё раз пробежала фамилии.

Нет Закавырцевой!

И растерянные её жалкие глазёночки остолбили⁴² Кребса.

Кребс хищневатого ждал этого взгляда, потому не сводил с неё глаз; покуда она читала, наготове держал на лице остановившуюся липкую улыбку.

– Милочек! Выше головку! Это я вам говорю!

Она как-то придавленно подвигала одним плечиком.

– Вы искали себя и не нашли. Объясняю, почему вас нет... Здесь, – Кребс потыкал согнутым указательным пальцем в пачку, которую она как-то неловко держала, – больша-ая дипломатия... Слишком ответственная игра... У нас отобрано право на проигрыш. На карту поставлено всё! И банк должен метать первый игрок, ваш покорный слуга! – с лёгким, галантным поклоном он поднёс ладони к своей груди. – Короче, основной доклад обязан делать я. Я – это я... Профессор и так далее. А кто вы? Кто вас знает? Народу набегит битком. В каждом стаде найдётся чёрная овца. Одна чернушка вякнет, вы растеряетесь, другая подвякнет – и дело пустило пузыри. Я же не растеряюсь. У меня не выдернешь кость из пасти! Старая гончая надёжно делает охоту! – распаляясь и входя в раж, убеждённо чеканил Кребс. Ему понравилось насчёт гончей, он подобрался, как гончая, чутко и быстро огляделся, будто выискивая что. – Мы, повторяю, вылетели на финишную прямую. Нам сейчас важнее повыигрышной поднести свои успехи. Не мельчить! Чья есть фамилия, чьей нету... Что за мелочи?! Дело – прежде всего! Мы с вами, – он подумал и простодушно улыбнулся, – мы с вами так слились в борце, что не разлить водой. И не надо разливать. Это ж, – повело его на игривость, – и экономия воды, и экономия места в объявлении, и ещё громадный плюс – лишний раз не подразним злых гусей фамилией, неизвестной в учёном мире. Не убивайтесь. Вас просто не воспримут, милочек! Так что ваше отсутствие, – кивнул Кребс на пачку в её руках, – работает исключительно на нашу мельницу! Пускай вас нет в листке – подумаешь, событие века, глянул и выбросил! – зато вы в сути! Я представляю, я защищаю перед высоким собранием лично ваши интересы!

Она слабо, отстранённо качнула головой.

С мягким удивлением, с удовольствием – есть на чём погреть глаз – он изучающе уставился на Таисию Викторовну:

«Ну, слава богу, кажется, уломал. Может, ещё малой кровью выхвачу своего академика? К чему нам свадебные скачки?...»

«Что же я такая безграмотная, как кошка, в этой в ихней распроклятой дипломатии? – корила она себя. – Это ж он, гладкий клоп, отгоняет, откидывает меня, плюшку... Невжель я совсем пустёха, что и свиньям щей не разолью?»

Ей стало жалко себя, и она тонко, по-щенячьи заскулила в плаче.

⁴¹ Остриженная – ограбленная.

⁴² Остолбить – уставить глазами в одну точку.

«Плачьте, милочек, плачьте, дружок, – ласково подумал он, обнимая её за худые плечики и отечески целуя в лоб. – Плачьте и запомните – это ваши последние слёзы. В канун счастья! Двадцать девятого вы услышите гимн борцу. И петь его будет весь зал стоя! Запомните и то, что двадцать девятое сентября красно будет вписано во все календари мира. Этот день повсюду станут праздновать как день избавления человечества от рака! Рак упоминался ещё в папирусах Эберса, это 3730-й год до нашей эры. Без мала шесть десятков веков человечество билось с ним, как видите, безуспешно. И лишь вот, наконец, в клинике вашего покорного слуги, – в мыслях Кребс благостно сложил ладонь к ладони, с грациозным поклоном указал ими на себя, – свершилось чудо. Рак побил рака!»⁴³

Борислав Львович был в высшем расположении духа, и этот свой нечаянный экспромт он отнёс к пробной прокрутке коронной речи, которая была уже готова и держалась ото всех в тайне.

Всё узнаете двадцать девятого!

11

Но как раскладывалось, увы, не выкрутилось.

За три дня до заседания Борислав Львович топнул ножкой. Факт невероятный, как невероятно землетрясение в Рязани или наводнение в Сахаре.

Всегда безукоризненно выдержанный «стерильный Кребс» был со всеми ровен, спокоен, как параграф, и вдруг – топнул.

По единодушному мнению сослуживцев, топот Борислава Львовича был зарегистрирован всеми сейсмическими станциями в тот момент, когда он налетел в областной газете на объявление о заседании.

Что за невидальщина! Как объявление затесалось в газету? Кто подсуетился? И главное, ка-ак в докладчики выскочила сама бухенвальдская крепышка Закавырцева?!

Чёрный детёктив! Без Шерлока Холмса не разобрать.

Борислав Львович спешно востребовал к себе в кабинет Закавырцеву. В кулак зажал своё мужество, заставил себя стерильно улыбнуться ей.

Трудно, а таки улыбнулся.

Трудно идёт улыбка, когда тебя рвёт жажда метать икру вперемежку с молниями.

– Дорогая Таисия Викторовна, – строго выдерживая ровный тон, заговорил он. – Нет ли у вас горяченького желания осчастливить меня *вашей* программкой?

– А разве вас как докладчика не пустят?

– Всё может быть, – заставил он себя вежливо улыбнуться.

В программке был тот же текст, что и в газете.

– Тэ-экс... чики-брики... – задумчиво щёлкнул он пальцами. – Извините, но меня одолевает любопытство... А вам нетрудно объяснить, почему вы всю программку заново перепечатали?

– Ну... – замялась она в нерешительности. – У вас программка была напечатана чёрным... Текст обвели толстой чёрной рамкой... Будто объявление о смерти... Я и текст пустила синим, и витуя рамку синей. Разве так не красивей? У борца колокольчики синие...

– И наложить текст на рисунок цветущего борца... Во вкусе вам не откажешь, – сдержанно похвалил он. – Поделитесь, будьте любезны, опытом, как это вы умудрились переделать всё на свой лад? Вышло красиво... Объявление – цветок... И всё это не просто как, извините, сатиновые трусы... Не частное дело... Типография, заказ, разрешение... Кто вам, счастливица, всё это санкционировал?

⁴³ Игра слов. Рак по-немецки – кребс. (Примечание автора.)

Конфузаясь, заикаясь, Таисия Викторовна начала рассказывать так невнятно, что Кребс ничего не разобрал. Однако из деликатности уточнять не стал.

– А теперь, почему и в газете и здесь, – Кребс постучал остро отточенным красным карандашом по программке, – вы водрузили себя в докладчиках впереди меня, не спросив на то даже моего согласия?

Ехидное, какое-то насмешливое, совсем не к месту словцо *водрузили* дёрнуло её. Она сморщенно и быстро посмотрела на Кребса, сердито пропищала:

– Потому что вы его всё равно б не дали!

– Спасибо. Честно и даже с наскоком смелости. Я должен рассматривать это как вызов? – нарочито безразлично спросил он.

– Только лишь как справедливое уточнение. А то получалось, что я вообще никакого отношения не имею к работе с борцом.

– Опять двадцать пять, – совсем поскущнул Кребс. – Опять перепевай сказанное в прошлый раз? Я подавал вам руку помощи. Вы её оттолкнули. Пожалуйста... Однако я позволю себе заметить. Забегая поперёд батки в пекло, вы не подумали, что, вбежав, не найдёте, где и присесть? Не подумали, что в том пекле можете сгореть? Если вы у себя дома обвели в календаре двадцать девятое красным и ликуете, то лично я теперь подожду и обводить, и ликовать, – монотонно, тоскливо тянул он. – Поставив себя впереди меня, вы, мягко говоря, опасно замахнулись. Ну что ж, посмотрим, как вы... Это будет бой. И с чем вы выйдете к этим мамонтам? К этим носорогам? Наши предки ходили на добычу с копьями, с луками, со стрелами... У вас же нет не то что простого камня⁴⁴, у вас нет даже камушечка. Голенькая, пустенькая, чего вы добудете, кроме смеха? Пока не поздно, будьте мудры, не бейте по дающей руке... Нам надо как-то узаконить наши отношения... Вы пришли со своим препаратом ко мне в клинику, мы вместе, союзом... ну и... Мы не чужие друг другу... На худой конец, мы соавторы. Не так ли? Не дичитесь, отвечайте...

Сбелев лицом, Таисия Викторовна молча положила перед ним на стол вчетверо сложенный лист.

Он нервно развернул.

СПРАВКА № 697

о принятии к рассмотрению
заявки на предполагаемое изобретение.

Выдана Министерством здравоохранения СССР Закавырцевой Таисии Викторовне в том, что 16 октября 1954 года Министерством принято заявление о выдаче авторского свидетельства на предполагаемое изобретение.

СПОСОБ ЛЕЧЕНИЯ РАКА БОРЦОМ

Действительным автором предполагаемого изобретения указан Закавырцев Т. В.

Заявление подано заявителем.

Начальник отдела изобретательства и рационализации Ученого совета Министерства здравоохранения СССР Г. Субботина.

Эта справка так ошеломила Кребса, что он век не мог оторвать от её окаменелого, ненавистного металлического взгляда.

«Действительным автором предполагаемого изобретения указан Закавырцев!» – суматошно толкло в голове.

⁴⁴ Камень (здесь от *к.м.н.*) – кандидат медицинских наук.

Он мёртво пристыл к этой строчке, вовсе не замечая, что в слове *указана* съедено окончание.

«Юридически плотно всё обставила. Комар носом не подденет... Она, она одна действительный автор, и ни с какого боку к ней не подхватиться. Не подхватился лоб в два шнурка⁴⁵ Золотой Скальпель. Не удержался и я... Неудачнику и в яйце кость попадает... А думалось, я-то не Скальпель, я-то не лопухнусь. Ло-овко провела старого краба! Весёленький номерок... Гм... У мелкой рыбёшки острые косточки... Какая-то девка-шнырь профессору нос подтирает! А насядь... Не пришлось бы льву от комара защищаться. Ах, милочек, милочек... Всё молчала... Так поддеть на фуфу... Маленькая змейка взмутила целое море! Ну!»

Кребс свёл пальцы в кулаки, подавил ими – лёгкая судорога трясла кулаки – подавил ими столешницу, словно пробовал, прочна ли.

– Вы... – просительно буркнула Таисия Викторовна, – вы уж не гневьтесь... Заявку я подала заранее. Ещё до прихода к вам в клинику... При всём желании уже не вклинишь вас в соавторы...

Не удержался Кребс на деликатных вожжах и всплыви на дыбки:

– Какие соавторы?! – зыкнул во всю глотку. – Какие ещё соавторы? Я к вам – в соавторы? Я что, специализируюсь на стибрилизации?! Да вы даёте отчёт своим словам?! Сию же минуту выписываю всех ваших больных второй стадии! Набираем только четвёртой! Вот и увидим, чего стоит ваш хвалёшка-борец!

– Ка-ак?! – жалобно простонала она. – Ну к чему из иголки верблюда делать? Вы ж запрещали брать четвёртой...

– Вы ещё девчонка, чтоб меня учить! Девчонка!!!

12

Таисия Викторовна посмотрела с трибуны в зал и её опахнуло жаром.

Народушку – невпроход! Негде пятку поставить. Пятна, пятна, пятна. Пятна лиц. Океан лиц. Взоры, ожидающие, тоскующие, ободряющие, холодные, злоехидные, тесно сошлись на ней, как в фокусе.

Прихватывал, подкусывал непонятный, необъяснимый страх.

Она растерялась, забыла, зачем вышла к трибуне.

Оробело скосила на президиум.

Ближний к ней из президиума мужчина ободрительно вскинул голову с сивым ёжиком.

– Поехали! – И ласково-приказывающе прошептал по слогам подсказку: – То-ва-ри-щи!

– Товарищи... – еле пошевелила она зачугунелым языком. – Товарищи! – уже надёжней, разгонистей повторила. – Това...

Мужчина из президиума строго глянул на неё. И далече вы собираетесь ускакать на *товарищах*?

Таисия Викторовна осеклась на полуслове.

Что говорить? Что?

– Товарищи... – в панике выдавила она, натвёрдо прикипев глазами к верху трибуны, и тут вдруг, кажется, даже слышала тяжёлое дыхание за спиной подбежавших ей во спасение слов, велеречивых, звонких, добрых. – Товарищи, необходимость важного значения вынудила меня подняться на эту сцену... Изложение своё сообразно цели... я думаю передать в виде беседы, что, по-моему, гораздо лучше, понятнее, доступнее...

⁴⁵ Лоб в два шнурка – глупый человек.

Она как-то удивлённо, с простецким любопытством послушала себя, послушала, как путано, коряво лепила слова, вслушалась в свой механический, какой-то чужой, роботный, голос и вспомнила, немного покопавшись в голове, что надо говорить.

– Дальше всего от меня мысль выступить против существующего направления в медицине. Не думаю я также нападать на чьи-либо познания и признания. Всякое возражение, всякую правильную поправку я охотно встречу, приму с благодарностью. Мой доклад будет как бы из двух докладов. Первый. Об организации лечения борцом. Второй. Характеристика препарата, лечение, характеристика всех моих пятидесяти пяти больных, демонстрация моих больных с клиническим выздоровлением. Доклад о лечении рака борцом я должна была сделать по возвращении из Москвы ещё в марте на заседании онкологического общества. Но мне такая возможность не была предоставлена. Это создало ряд неправильных толкований по поводу препарата и меня как врача...

Таисия Викторовна не замечала, что плела свою речь коряжисто, неумело, не в лад. Пуще всего она боялась потерять нить мысли и замолчать.

– В предоставлении коек для клинического испытания борца при лечении больных в онкодиспансере мне отказали и только при содействии облздрави выделили десять коек. Какого-либо участия в клиническом испытании борца врачи онкодиспансера не принимали, если не считать двух больных, взятых врачом Желтоглазовой и тут же мне возвращённых...

Грицианов, председательствовавший на заседании, уныло-осуждающе покивал, тронул Кребса за локоть – сидели в президиуме рядом:

– Ну что ж, Борислав Львович, мелкий перчик горше? – постный взгляд на Закавырцеву. – Какую музыку вы наказывали, такую и слушаем-с? Сабо самой... Зачем вас носило в облздрав? Я перед самой Москвой отбоярился. Еле отбрыкался от этих испытаний. А вы и сунь мою бедную головушку в хомут... Э-хэ-хэ... За что боролись, на то и напоролись... Или, как бы завернула моя швабра⁴⁶, какой пирожок, Маруся, испекла, такой и кушай...

– Не зуди, – шепнул Кребс. – Бездарь тем и сильна, что живуча, неистребима, как рак, – и нахлопнул ладошкой по столу: басни кончены, слушаем!

– Я хотела, – продолжала Таисия Викторовна, – чтоб с борцом работали только в диспансере под моим прямым контролем. Но так крутнулось, его испытывали и в гинекологической, и в глазной, и в лорклиниках. Мой борец как малое дитя на первой поре... Где как не у мамушки у родимой на руках ему способней? Чужие руки и студливы, и злы, и пусты...

– Это уже подкатила шарик под вас наша бухенвальдская крепышка, – с подначкой зашептал Грицианов, клонясь к Кребсу.

– Не председатель, а сорока! – пыхнул Кребс, не убирая раздражённых глаз с Закавырцевой. – Вы дадите послушать?

– Да ну пожалуйста, пожалуйста! – ответил Грицианов со льдистой вежливостью.

... несомненно и то, – говорила Закавырцева, – что интересы заболевших раком не могут довольствоваться теми благами, которые принесут нам в будущем научные исследования. Они требуют, чтобы уже сегодня были лечимы наилучшими способами и всеми достигнутыми средствами.

Где-то на задах кротко, разведочно ударил одиночный, сиротливый хлопок, и зал, точно очнувшись, лавинно заплескал.

Кребс сердито крутнулся к Грицианову.

– Что за шлепки? Кому-то Нобелевку отслюнили? Председатель, потрудитесь. Пускай не мешает это шлёпанье!

– Тружусь. – Грицианов забарабанил карандашом по прозрачному горлу графина, думая: «Вороны, – посмотрел на шумевший аплодисментами зал, на президиум, – как говорится,

⁴⁶ Швабра – жена.

летают кучами, а орлы, – взгляд на сбитую с толку аплодисментами Закавырцеву, – парят в одиночку».

Мало-помалу зал притих.

– До настоящего времени, – молодо зазвенел закавырцевский голос, – способами лечения рака являются: операция, рентгеновские лучи и лучи радия. Применяются ещё химиотерапия, такая щедрая на беды, и гормонотерапия. Однако способа лечения в запущенных случаях нет.

Она сникла и совсем неверяще добавила:

– Вот пробую свою золотую... золотистую настойку борца... Растения в нашей жизни ничем не заменить...

Ее дёрнуло, повело в историю и она вспомнила, что ещё первобытники пускали борец – а в природе живёт до трёхсот его видов, – на яд. Борец ой и ядовит. Всего-то на пяти его миллиграммах смёртушка замешана. В Германии борцом выводили волков. В 1524 году по приказанию папы Климента VII в Риме, а затем в Праге известный в ту пору учёный-врач – итальянец Матиолли, испытывал на отравленных борцом преступниках «чудесные» противоядия.

Конечно, знал человек и о целебной силе борца. И добрую славу добыла ему именно его лечащая магия. У него вон имя идёт от *бороть*, *барывать*, *ломать недуг*. Есть у него имена ещё погромче, посановитей. *Царь-трава*. *Царь-зелье*. *Волхунок*. *Кудесник*.

Таисия Викторовна не стала расписывать, как пришла к борцу, полагая, что уже и без того выскочила за отведённые ей на доклад полчаса. Взяла с раскрытой папки листочек с цитатой, поднесла ближе к лицу. Доклада как такового, написанного, у неё не было, говорила она не с бумажки.

– Пирогов писал: «Гнойное заражение было проклятием хирургов. Явился Листер⁴⁷ – ввел антисептику, а затем асептику, и хирурги из бессильных рабов стали господами».

Меня это и навело на мысль дополнять настойку борца к оперативно-лучевому лечению. То есть, подумала я, разве ножу и лучу не может помочь мой Борушка? Мо-ожет! Борец угнетает опухоль и одновременно взбадривает. Несколько омолаживает весь организм. Омолаживает кровь. Другими словами, «действует на весь организм комплексно, мобилизует его защитные механизмы». Но если кто решит, что достаточно выпить энное количество капель настойки – и рак разбит, тот глубоко ошибается. Борец не панацея. Ему не по зубам четвёртая стадия. Зато прочие...

Я не сталкиваю, я не сшибаю лбами народную медицину с научной. Я не хочу их рассорить. Я не противопоставляю борец ножу. Боже упаси! Напротив! Совсем напротив! Я сливаю их в один кулак против единого врага. Я поднимаю народную медицину до уровня научной. Ставлю на одну доску. И от такого союза в выигрыше больные.

Хорошо режет нож.

Да только всё ль ему дозволено?

Вот убрали опухоль. Кажется, всё прекрасно. Придаться не к чему. Ан хлоп беда. Через какое-то время беда прорастает на новом месте, куда зараньше выбросила ещё не видимые, ещё не заметные щупальца-клешны.

Речной рак чем опасен? Клешнями. Клешнями защищается, клешнями нападает. Бывало в детстве, так стриганёт клешнёй, что, кажется, палец отскочил, и ты со смертным ором поскорейше, молнией, выдираешь руку из норы иль с-под коряги, куда сунулась за раком, да поймалась сама.

И прежде всего вот эти клешни, выбрасываемые в стороны, опасны и у болезни, названной раком. Я считаю, главное зло не в опухоли, а в её клешнях-щупальцах, расползающихся наподобие паучьей сетки. Не давай расходиться. А как не дашь? Прежде чем резать опухоль, обломай клешни-щупальца, отдели её от здоровой ткани. Вот это-то как раз и под силу

⁴⁷ Джозеф Листер (1827–1912) – английский хирург.

Борушке. Он обрывает эти клешни, чистит вокруг опухоли ткань, и опухоль как бы подносится ножу на блюдечке. Выщелкивай, как орех из скорлупки. Режь спокойно. Дальше беда не скакнёт.

Моя методика – не торопись, дай организму набраться духу. Он ведь не меньше твоего встревожен бедой. Недели две-три до операции даю больному настойку по схеме. После операции даю. Свежие силы человеку всегда нужны...

Я вся за борец. Я против химии. Химия убивает...

Ещё Гиппократ говорил, что лечат нож, трава и слово. Так что я нового сказала?

Я лечила пятьдесят пять человек. Из них пятерых брала на облегчение страдания, остальных брала с некоторой надеждой на излечение. Счёт цыплятам осенью. Вот моя осень... Полное излечение получили десятеро с отдалённым результатом до четырёх лет. Умерли восемнадцать. Половине из них жизнь продлена до года. Остальные в периоде реакции... Такая вот моя осень...

Опечаленно, скорбно кончила доклад Таисия Викторовна.

Ей не захлопали.

Конечно, хлопать не за что. Не тот момент. Тут ордена да знамена не раздают.

И все же...

Она вопросительно обвела зал. Зал тяжело молчал. Как-то даже враждебно.

– Я н-напомню... – заикаясь, снова заговорила она. – Я выхаживала людей не от кашля... Люди обречённые... Вы можете спросить, и всё же какой процент у них выживаемости? Статистики нету. И не может быть. Это ж люди, на которых махнули рукой... Поставили точку... Один московский академик мне говорил, если удастся спасти из них хоть два процента – уже победа. У меня выжило двадцать процентов. Каждый пятый... Это труды какие... Не баранчихал... Из уходивших *туда* десятеро моих не ушли. Раздумали. Посторонились от смерточки и вернулись... Они пришли сюда. В коридоре ждут. – Таисия Викторовна повернулась к президиуму. – Давайте покажем их. Послушаем...

– Никаких смотрин! – замахал красным карандашом Грицианов. – Есть мнение...

Его перебили из зала:

– А вы в программку заглядывали?

– На плане, извините, демонстрация больных!

– Подавайте демонстрацию!

– Товарищи! – Грицианов снова постучал карандашом по графину, требуя от зала тишины. – Мы тут посовещались и решили... – Он посмотрел на Кребса, Кребс утвердительно кивнул. – Мы посовещались и решили демонстрацию не проводить. Время поджигает! Вместо тридцати минут докладчик говорила один час сорок девять минут. В свете этого неопровержимого факта, товарищи, регламент явно нарушен. А с больными... – Грицианов еле заметно мягко улыбнулся. – А с больными господа желающие могут встретиться завтра в десять утра в клинике товарища Кребса, где для этой цели специально выделен кабинет и ассистент – товарищ Лопушинская.

Словно разминая затёкшие руки-ноги, по залу пробежался сонный смешок.

Те, в коридоре, узнав, что показывать их не будут, повели себя по-разному. Одна кучка тут же убрела по домам, довольная выше глаз, что «голую спектаклю придавили, как окуроч на каблуке». Мол, раз «ничего не светит, так нечего тут и светиться!» Другая кучка, любопытных, бочком вжалась в зал, сбилась тугой стайкой у стеночки и стала наблюдать за залом, за президиумом, за Таисией Викторовной, которая, услышав про злую новостёху, как-то закаменела вся.

– Таисия Викторовна! А вы чего ждёте? – удивлённый тем, что она всё ещё на трибуне, спросил Грицианов.

В глазах у него горел ядовитый восторг.

– Вам смех, а нам и полсмеха нет! – вслух подумала она, жалуясь.

– Отзвонили и с колоколенки! – вытывая голосом, буркнул Грицианов. – Отбомбились же!

– Как же я пойду? – тихо, так что её не могли слышать в зале, разбито проговорила она. – Без демонстрации... Это ж всё голая говоруха...

– А вот вы теперь её и оденьте по последнему пisku моды! Спасибо скажите, что хоть выслушали-то вас!

Грицианов заметил, что выражение лица у неё было какое-то непонятное. По крайней мере такое, какого он никогда не видел. Страдальческое, угробное.

Он встал, меланхолической походкой направился к ней.

– Что вы вцепились в трибуну, как, простите, блоха в шубу? – голубино заворковал он, подходя. – Если она вам так уж глянулась, так мы, сабо самой, подарим вам её, только попозже туда, после заседания. А пока, пожалуйста, оставьте.

– Ноги... сердце захватило... – виновато прошептала она.

– У всех ноги, у всех сердца, – ровно, плакатно улыбнулся он, подал трибунный стакан воды.

Опираясь локтями на крылышки трибуны, Таисия Викторовна кое-как выпила и почувствовала, что в онемелые, сомлелые ноги вошла сила.

Она слабо кивнула, что могло означать и благодарность, и упрёк, и неуверенно, шатко побрела со сцены.

Грицианов проводил её заледенелой жизнерадостной улыбкой. Заработала стакан тёплой воды – и иди!

13

Власть и колдовство трибуны не изучены. И это немалое упущение. Знай всё о трибуне, мы б знали, почему человек, встав за неё, вдруг преображается. У него вдруг новая, неожиданная для него самого манера держаться, другой голос, имеющий с коленями то общее, что и колени, и голос в унисон дрожат, другие слова.

Взойдя на трибунку, Таисия Викторовна вдруг обнаружила, что от неё убежали все её буднишние, домашние, шёлковые слова, простые, ясные, лёгкие, озороватые, и понесло, и покатило её плести такие наукообразные помпезные колонны – семерым не обхватишь! – что ей было совестно за себя всё время, покуда чуже дребезжал в зале её сухой, омертвелый голос.

Ей и сейчас совестно за себя, за те свои слова под неживой, холодной вуалькой, за насмешку над её больными. Они пришли, но они могли уже никуда и никогда не прийти, за то никто не ответил бы ни единым волоском. Они ей дороги, как яичко к Христову дню, а на них даже не пожелали с сыта и кинуть беглый глаз.

«Не наискала я тех слов, чтоб повернуло глянуть на моих горяшат... Не нашла... Сама себя и казни...»

Её давит разобраться во всём в своём. Да откуда-то сверху, с трибуны, вавкает писклявый кребсовский дискант. Монотонная писклявая нудь мешает собранно думать своё. Боком, крайком уха Таисия Викторовна вслушивается в писк, примечает, ой неладно трибунка вертит Кребсом, как чёрт кривою стёжкой в лесу. Кребс, «стерильный Кребс», всегда невозмутимый, бессуетной, всегда правильный, выглаженный, как устав, и вдруг те на – с какими-то ребяческими ужимочками, со смешочками чего зря колоколит без пути. Так, тренькает язычком...

– *Salva venia...* с позволения сказать, – одиноко скучал наверху его игристый, томкий писк, – большой заслугой Закавырцевой является её стремление найти препарат для лечения рака. Похвально, вполне в духе древних: *omnes, quantum potes, juva!* Всем, сколько можешь, помогай! Но!.. Но!! Но!!! Конечно, *omne ignotum pro magnifico est*. Всё неизвестное представ-

ляется величественным. А дальше что? Нам, увы, точно видится, что стремление найти чудодейственный препарат осталось и единственной её заслугой. Мы позволим себе напомнить уважаемой аудитории... Если отвлечься от романтики, которая окружает всякое новое изобретение, и отнестись объективно, то получается следующее. Из пятидесяти пяти больных умерло восемнадцать. О двадцати двух ничего не известно. И только десять излечённых. Эти данные объявила сама Закавырцева. А мы возьмём на себя принципиальную смелость *hic et nunc* – здесь и сейчас – объявить, что её борец к этой десятке ровно никакого отношения не имеет!

Зал пчелино загудел. В растерянности заоглядывался. В гневе вскочила со своего крайнего места в первом ряду Таисия Викторовна. Мстительно вскинула бледные кулачки.

– Бреху-ушка! – гаркнула от входа Маша-татарочка, из демонстрационных. – На твоя язык шайтан плюнул! Ты чаво митрофанишь?!⁴⁸

С видимой безучастностью Кребс окинул зал и, заметив внизу, сразу за сценой, медленно опускавшую руки Таисию Викторовну, лениво, с сытым благодушием посоветовал:

– А вы не стойте. Присаживайтесь.

– Да нет! Я уж постою послушаю, что вы ещё такое объявите! – ответила Таисия Викторовна, коротко и нервно, рывком, поклонившись.

– А объявлю я, разлюбезная Таисия Викторовна, то, что эти десятеро ни-ког-да не болели раком. Да! – сухо, гулко ударил он костями пальцев по фанерной трибунёшке. – *Amicus Socrates, sed magis amica veritas!* Сократ мне друг, но истина – ещё больший друг!

Зал замер.

– Бреху-ушка! – снова крикнула Маша. – Зломучитель! Сор ложить – не топором рубить!... Я покажу-у!

Маша кинулась по проходу к сцене, на бегу развязав тяжёлый серый платок и столкнув его с головы на пол.

Двое дюжих молодцев, особо не чинясь, – при враче ничто не вредно! – остановили её, вывели за дверь.

Зал оцепенело уставился на Таисию Викторовну. Ждал, что же скажет она. Но она лишь парализованно тарацилась снизу вверх, на Кребса, и не могла ни слова вымолвить.

Кребс подивился её молчанию – видите, вам даже нечего сказать в своё оправдание! – и продолжал легко, раскрепощённо, даже несколько с профессиональной, с обкатанной покаянностью в голосе, всегда так выручавшей его в круточасе:

– Проницательная уважаемая аудитория может вполне резонно спросить: помилуйте, как же так, препарат совершенно безнадёжный, на нуле, а вы, профессора, подсовываете его больным? Увы... Мы с самого начала не верили в борец. Однако взялись за испытание. А вдруг! А вдруг!! В науке всякое открытие – лотерея. Никакой определённости! Тебя засасывает в этот вихрь. Как же пойдёт всё дальше, ясного ничего не скажешь. Лотерейка! То ли с делом, то ли с пшиком будет конец... Мы с особым удовольствием взвалили на себя ответственную задачу, учитывая важность проблемы эффективного лечения рака и поощрения всяких начинаний в этой области. По злой иронии судьбы, мы включились в работу с борцом с первого апреля сего года... К сожалению, *natura non facit saltus*... Природа не делает скачков. Чего не было с утра, не появится и под вечер... И всё же надо искать.

Кребс посмотрел вопрошающе в даль зала, как бы ища несогласных с ним, и, не найдя таковых, повторил вдохновенней, с нажимом:

– Да! Искать! Из полутора тысяч лекарственных средств, имеющихся в фармакопее, многие ли изучены на рак? А из литературы известно, что польский учёный применяет против рака иприт. Мы долго мучились с диабетом и только когда узнали, в чём суть обмена веществ при диабете, только тогда проблема диабета стала стоять на научной основе. Нужен объективный

⁴⁸ Митрофанишь – болтать.

научный контроль, в существовании чего лично я не убедился из доклада. Нельзя думать, что коллектив онкодиспансера относится субъективно к этому вопросу, настроен против нового изобретения не из личной несимпатии, а основываясь на каких-то объективных данных.

– Конкретно. Каких? – выскочил нетерпачий басок из передних рядов.

Кребс хладнокровно подумал. Хмыкнул:

– Объективных.

Где-то в центре зала лопнул тугой смешок.

– Да, объективных! – резко повторил Кребс. – В работе товарища Закавырцева исчезла научная платформа. А, откровенно говоря, она и не появлялась. Ещё две с половиной тысячи лет назад был известен борец. В казахской литературе, например, имеются указания на его применение в так называемой народной медицине при всех заболеваниях. При всех! – Кребс торжественно вскинул палец и позволил себе вежливую, сановитую улыбку. – И, наверное, он помогал всем, кому не пришёл час умирать... И вот товарищ Закавырцева целиком и полностью поворачивает нас в сторону так называемой народной медицины. А нам нельзя к ней повернуться целиком и полностью, ибо борец – яд! Только дремучей безграмотностью можно объяснить возможность излечения им рака. Кроме того, борец – древнее знахарское средство для напущения порчи. Чувствуете, дорогие товарищи, куда тащит нас уважаемая товарищ Закавырцева?

Кребс посмотрел на президиум, потом вниз перед собой и вбок. На Таисию Викторовну. Всё так же она стояла с какими-то напуганными, остановившимися, как пуговички, глазами.

Взгляды их столкнулись.

– Таисия Викторовна, – уступчиво, простительно-кокетливо заговорил Кребс, встав на цыпочки, чтоб из-за высокой трибуны хорошо видеть её, – ну зачем копать колодец там, где нет воды? Вы понимаете... Это «Божий промысел» – ваше знахарство... Извините, это шаманство какое-то, это мамонство, наконец, это просто шарлатанство... Тоже наука мармазонская...

Таисия Викторовна почувствовала, что её отпустило.

Неверяще, что может говорить, перебила Кребса:

– Какое мармазонство? Какое шарлатанство? Разве не с вами я училась в одной группе в этом же мединституте, где мы сейчас? Разве не из одних рук получали мы с вами дипломы? Разве у меня не такой же диплом, как и у вас? Такой же! Такой же, только с отличием и порядковый номер на единичку впереди. В алфавите вы всё-таки стоите за мной! После меня! После! – твердила она, набирая в голос силы, гнева. – После! Вы слышите? После! Зэ! И!! Ка!!!

– Верно, – умильно согласился Кребс. – Я – после. Истинный джентльмен всегда пропускает даму вперёд. Но между нами *соединительный* союз. Это что-то да значит...

– То-то и значит, что ничего не значит! – обрезала она.

Грицианов страдальчески сморщился.

Потенькал красным карандашом по графину.

– Товарищ Закавырцева! Не мешайте выступать докладчику. Вам еще дадут заключительное слово. Тогда и выплёскивайте на здоровье свои эмоции.

Не во нрав легла Кребсу такая обкрутка.

Он считал, что Закавырцева уже разгромлена, как горюн-швед под Полтавушкой, принижкла, принародно сдалась. Дело сработано. Можно и сбросить горячие обороты. Можно показать почтенной аудитории, что не такие уж мы в натуре и жестокие. Можем с вами и по-доброму. Доброта у нас-де не заёмная, не покупная. Да! Самый момент вымахнуть великодушный жест. Отечески попенять шаловливой проказнице, уже примерно отшлёпанной, и с нежностями раскланяться, да... Я-то, господин дуб развесистый, с реверансиками перед ней, а она – когти выпускать! Упё-ёртая... С корнем обдирать эти когти! С корнем!

Кребс поджёт себя до тех крайностей, когда уже, выронив высокочтимое им самим самообладание, безо всякой связи с тем, как только что благодумничал, вскозырился, закричал во весь рот с петушьим апломбом:

– От врача мы требуем! Первое. Объективности! Второе. Обеспечения безопасности больного! Третье. Спокойного восприятия критики! Четвёртое. Недопустимости самокритики!

Кребс скосил кипящие глаза на Грицианова.

Грицианов согласно покивал.

Было в его согласии что-то и осуждающее, зовущее: невозмутимей, маэстро, не переживай.

Кребс сделал паузу.

Продолжал уже выдержанней, ровней:

– Разъясняю по пунктам. Первое. В самом начале применения борца в онкодиспансере Закавырцевой был дан совет, чтобы она не была кустарём-одиночкой, привлекла к работе опытного специалиста-онколога. Совет она не использовала. Сам профессор, – Кребс поднёс руку к груди, щедро поклонился в сторону Таисии Викторовны, – предложил вам свои услуги. Вы и здесь на своём уровне! Вы неуступчивы! Вы неуживчивы! После возникновения разногласий в определении стадии заболевания при подборе больных для лечения и лично из-за вашей нетактичности мне пришлось консультации оставить. Она, товарищи, боясь, как бы её предложение не предвосхитил кто-нибудь, решила вести работу засекреченно, так как в каждом враче видела, мягко скажем, недруга, забывая о том, что каждый врач кровно печётся о благе своего народа. Она оторвалась от коллектива, появилась неточность в её документации.

Второе. По инструкции, борец следовало испытывать на больных с четвёртой стадией заболевания. Закавырцева явно нарушила свою же инструкцию. Брала больных третьей, второй, даже первой стадии! Какое право имела она экспериментировать на клинически здоровых людях? Здесь имеется недопустимый для врача факт – эксперимент на живых людях. Какое право она имела выдавать этот яд больным на руки и даже в другие города? Разве это забота о живом человеке?

Третье... – Кребс запнулся, немного помолчал. Запоздало загнул сразу три пальца. – Третье... – Голос у него слегка помягчел, выровнялся. – Спокойного восприятия критики нет у врача Закавырцевой. Это вы видели сами... Хочется пожелать, чтобы она прислушалась к мнению старших товарищей и своих товарищей. Она ж пока прибегает даже к угрозам.

Четвёртое, – заломил он ещё один палец. – О саморекламе-крикламе. Недопустим её метод коллективной обработки: Закавырцевой было дано объявление о сегодняшнем заседании в областной газете без ведома председателей обществ и вопреки их желанию, так как на это заседание не предполагалось приглашать немедицинских работников.

Мои выводы и предложения.

Первое. Данные по лечению борцом, представленные врачом Закавырцевой, говорят красноречиво не в пользу этого метода.

Второе. Врач Закавырцева неправильно производила подбор больных для лечения.

Третье. Удовлетворительное состояние немногих можно объяснить предшествовавшей лучевой терапией, а не действием борца. Лучи-лучики трудились в поте лица, а сливки слизал её борец!

Четвёртое. Просить облздрав запретить врачу Закавырцевой пользоваться на дому больных настойкой борца, учитывая его сильное действие.

Пятое. Рекомендовать заведующему борским облздравом создать комиссию для оценки результатов лечения борцом раковых больных и возможности дальнейшего его использования в этих целях.

14

Дело лилось к полуночи. К концу. Боевая расстановка сил на бранном поле была, по мысли Кребса, критическая. С явным уклоном в паническую.

На листок из отрывного блокнотика он покидал в два столбца рядышком фамилии выступивших.

Закавырцева Кребс
Прямушкина Грицианов
Сватиков Желтоглазова
Добровидова

Есть, есть от чего всполошиться.

«Нас меньше, – думает Кребс, – мы в меньшинстве, но мы в тельняшках? Не знаю, лично я тельняшку на себе не видел. Зато я чётко вижу, что их четверо, всё киты, что ихний столбушка выше. Велика Федора, да дура? Гм... гм...»

С напускным безразличием он поглядывает на выступавшую Желтоглазову. В смятении прокручивает своё.

«Отмолотит племяшка свою копну, как две соломинки, похожую на мою – моими же словами лупит! – кто ещё запросится на трибуну? Выскочит какой горяченький из закавырцевской а-капеллы? Отблестала Прямушкина. С дура-буря чего не стригануть теперь какой-нибудь Резвушкиной, Быструшкиной, Вострушкиной, Ватрушкиной? Мы и так в меньшинстве, нас и так с гулькину душу. А тогда и вовсе... заколеблют меня с моими барабанщиками... Кимоно-то херовато... Неужели я присохну на бобылях? Неужели Тайга прорвётся со своим борцом? Неужели наша барабанная тарабарщина не... Неужели не накинем на неё сегодня саван?... Неужели наша барабанная тарабарщина не обернётся для неё похоронным маршем?... Чё-ёрт, как подпирают её... Откуда и прыть у этой Прямушкиной... Прямо в копыта бьётся...»

– Уважаемый Борислав Львович, извините за прямоту... Не с целью ли дискредитации испытываемого препарата вы выписали из своей клиники тех больных, которых Закавырцева по договоренности лично с вами направляла к вам, и набрали тех, излечения у кого и быть не может? Нельзя было ждать положительных результатов у глубоко инкурабельных. Тут положительный исход возможен лишь в случае, как вы поиронизировали: несли человека на кладбище, а по ошибке занесли в клинику, он сам нечаянно и поднялся... Что молебны разводить?... Считаем, закавырцевский метод лечения приемлемым!

И тю-тю-тю, и тю-тю-тю...

Тю-тю-то тю-тю, да что в пику запоешь? Прямушкина – профессор глазной клиники. Тётя с весом и с довеском. Дамесса с большими бзыками. На примерах из своей клиники всё тютюкала, что борец на грани чуда... Дивушко!

Сватиков, профессор ЛОР-клиники, ей подпел:

– Настойка борца ослабляет, снижает боль, поднимает общее самочувствие. Не возражаю против применения борца.

Сам худ, а головка с пуд...

До позорного складно влилась в закавырцевский хор и Добровидова. Как только такую и терпят на посту главврача городской больницы?

– Стрептомицин тоже не вылечивает запущенные формы туберкулёза. Почему же борец должен мочь всё? Уж спасибо низкое ему, когда он может то, что может. У нас в горбольнице он работает хорошо. Без претензий. Действует медленно, зато верно. Мы обязаны исключительно внимательно отнестись к тому, что тут говорилось. И нельзя, нельзя, товарищи дорогие,

с пылькику, так вот сразу снять испытание препарата. Напротив, совсем напротив! Надо шире поставить работу с борцом! Шире с ним оперировать!

«Шире... эже... Тоже мне адвокаты бесплатные...»

Кребс заметил, что сидевший с ним рядом *кэнязь*, как он про себя с завистью, с трепетом навеличивал на кавказский лад обложенного почестями, как подушками, единственного в Борске академика ректора мединститута – Расцветаева, заглянул к нему, к Кребсу, в листок.

Кребс искательно улыбнулся.

Так улыбается ненадёжный студент грозному профессору, беря на экзамене билет.

– Весёлая арифметика? – шепнул Расцветаев.

– Ки-ислая.

Кребс уныло, точно приговор, посадил на пол-листа чёрный нолище в миллионной степени, благоговейно пододвинул к Расцветаеву.

Расцветаев озоровато чиркнул перед нолём ещё бóльшую кроваво-алую единичку, ободряюще тиснул Кребса за руку выше локтя и покосолапил к трибуне.

Объявили его выступление.

Кребс солидно распрямил спину, развёл плечи и благостным, туманящимся от восторга взором обвёл зал. «Ну вы видели, как меня сам *кэнязь* жалует?! То-то!»

С трибуны Расцветаев разыскал Таисию Викторовну.

Глядя глаза в глаза, заговорил респектабельным, меценатствующим тоном:

– Таисия Викторовна! Я тепло встретил вас в начале вашей работы. Но, прослушав объективные выступления товарищей, я изменил отношение к вам как к врачу и к вашему борцу. Ваш эксперимент, Таисия Викторовна, увы, далёконек от науки. А чтобы решить тот или иной вопрос, надо его *научно* изучить, нужно данные анализировать, анализировать, анализировать. А не так легко и быстро высказывать на сцену.

Моя точка зрения: вряд ли от применения вашего препарата можно ожидать эффекта. Как же быть дальше? Огромный опыт, который накопила медицина, является основой для наблюдений и исследований. То же, чем пользовались в Тибете и чем пользуются травники – это голая эмпирика. Вам нужно отобрать зерно, отбросив фантазию.

Если вы увлечены, продолжайте исследования. Изучите химические свойства. Изучите вещество в эксперименте на животных. Именно так уже был разоблачён не один хитростный всеумейка... Если хотите, в нашей лаборатории мы можем помочь вам решить вопрос, стоит ли направлять свою жизненную энергию на разрешение этого вопроса.

Моё предложение. Негоже лечить больных борцом, а нужно экспериментировать на животных в лаборатории. С людей переключайтесь, голубушка, на животных. Всё должно идти в обратном порядке. Сначала пробуй на мышке, потом уж подступай к человеку. Давайте начнём работать на научных стапелях!

Зал придавила тягостная лунная тишина⁴⁹.

А Кребс заплодировал.

Однако его никто не слышал. Он беззвучно хлопал, держа ладони меж коленями под столом.

«Что и требовалось доказать! – ликовал он, внешне оставаясь совершенно равнодушным. – В лабораторию! В лабораторию!! В лабораторию!!! В глушь! В Нарымчик! Ай да *кэнязь*! Ай да *кэнязь*! Наша тяжёленькая артиллерия. Из последних лукавец! Сегодня он тебя вежливо сдёрнул с пьедестала и на веки вечные упёк в лабораторию. Забавляйся с мышками! “Барыню” им пляши до тысячного пришествия. На твой век мышек хватит... В лаборатории, под его недремлющим оком, ты, Тайга Непроходимовна, и усохнешь. Всяка сучонка знай свою кону-

⁴⁹ На Луне люди не слышат: звуки передаются по воздуху, а на Луне воздуха нет.

рёнку! Ай да кэнязь! Ай да кэнязь! Похороны совершил по всем нормам светской этики. По высшему разряду! Тихо, мирно, интеллигентно. Интеллигентно замуровал в лаборатёшку!»

Кребс потрепал под столом мосластое грициановское колено. Ну, Грицианчик, наша как расчесала!

Сабо самой, постным взглядом ответил Грицианов и объявил, что заседание закончено. Из зала защёлкали обрывчатые, резкие, как выстрелы, возгласы:

– Ка-ак «закончено»?

– А Закавырцева?

– А заключительное слово?

Кребс смешался. Ну Грицианов! Ну щербатый ржавый Скальпель! Деревянный Скальпель!.. Ну Сабо Самой! Забыть кинуть пяток минут на заключительный пар. Это только Грицианов такое может. А теперь что, после самого Владим Владимыча слушай мышку Закавырцеву? Да мыслимо ль? Ведь везде ж, где ни присутствуй Владим Владимыч, последнее слово всегда только за ним. Это вошло в борский этикет.

А зал подпирал:

– Обещали Закавырцевой слово!

– Такое-то ваше обещание?

Кребс распято лупит на Владим Владимыча глаза. Побитым псом уткнулся в стол Грицианов, не смеетдохнуть. Через какое-то время отваживается с зябкой, мятой надеждинкой вмельк бросить покаянный взор на Владим Владимыча.

Владим Владимыч в явном дискомфорте.

Так что же делать?

С минуту Владим Владимыч не то колеблется, не то наслаждается грициановской казнью. Наконец, перегорев, переломив себя, широкодушно снисходит. С видом: не надо бы уступать, но у доброты свой нор – едва заметно кивает.

Грицианов светлеет, как мальчишка, освобождённый от стояния в углу коленками на горохе, и, боясь, как бы Владим Владимыч не передумал, радостно, взхлёб выпаливает, что заключительное слово предоставляется врачу Закавырцевой.

Медленно, трудно, долго идёт Таисия Викторовна к трибуне. Долго оттуда, сверху, пристально, вприщур всматривается в лица внизу, словно старается все их запомнить.

– К зениту науки, – упали в зал её опечаленные, тихие и всюду ясно слышимые слова, – приходят различными путями. Наиболее частый, наиболее лёгкий путь – когда диссертант находится под защитой руководителя, влиятельных пап, мам, родственников и даже друзей по взаимосвязи. Но есть и другой... Тернистый путь... Появилась идея. И чем она важнее, тем труднее преодолевать препятствия, исходящие от противников, уже оперившихся сединой, имеющих положение в науке, тогда как идеи просекаются чаще в молодом возрасте ещё наивных людей, не умудрённых жизненным опытом, не имеющих научной подоплёки, даже не умеющих правильно оформить появившуюся идею. Нередко учёный значительно раньше автора ухватывает ценность идеи и стремится, в лучшем случае, возглавить её. Но если это ему не удаётся, то можно считать идею похороненной, автора осмеянным, изолированным и даже уничтоженным в неравной борьбе...

– Что это за лирическая аллилуйя? – жёстко перебил её Грицианов. – На дворе ночь! У людей дома семьи, а вы нам с лирикой про неравное подковёрное самбо! Не хватит ли мочить корки? Давайте, понимаете, аукаться по существу!

– А разве я не по существу?... Ладно. Я буду плотней... Товарищи, вы только вдумайтесь, пожалуйста... Какие вы сказки рассказываете своим детям? Народные... Какие вы песни поёте дольше всего? Верней, всю жизнь? Народные. Какие танцы танцуете? Опять же на-род-ные. Ни к сказкам, ни к песням, ни к танцам народным никаких претензий. Одна любовь сплошняком. Все мы на них выросли, все мы ими живём. Но как только дело подворачивает к народной

медицине, так тут носы поганисты ворочам, так тут сам чёртушка в бок шилом: не верим! Знахарство всё это! – и хва-ать за шашки рубить головы непослушные.

А не спешите рубить.

Народная медицина – глубочайший кладёз народного ума, народного опыта. И не спешите в этот колодез плевать, пить нам же из него ох и до-олго... Умной, официальной нашей медицине жить им и жить многие и многие века, черпая именно оттуда ответы на закомуристые задачки.

Давайте вместе подумаем. Разве народ начал лечиться лишь с открытием медицинских институтов? А разве раньше он не болел? И болел, и, слава богу, лечился, и что-то неграмотные врачуны лечили способней нынешних академиков. У всех у нас на памяти *круглый стол* уважаемого Владимира Владимировича в местной газете. Стол как стол. Был бы обычным, не вывороти одна журналистка про свою беду. Скрутил её радикулит. Всех борских гиппократов обползала, а радикулитище всё наглей. А радикулитище всё свирепей. Проходит год – никакого спасу. Инвалидность суют!

И тогда журналистка наплевала на брёх про знахарство и увеялась со всеми своими охами и ахами в глухоманкину нарымскую деревнюшку. К бабушке! Через неполную неделю возвращается. Счастливей человека нет на свете!

Так вот эта журналистка и подкати колёсики к Владимиру Владимировичу, просит объяснить, что за дивушка сидят в руках у той у ветхой бабунюшки. И Владимир Владимирович отвечает: а никакого чуда, просто массаж.

В задних рядах срывисто заржали.

– А не смеяться – плакать хочется. Почему тёмная, неписьмённая старуха выбивает боль, а дипломированные врачи, учёные разостепененные мужички, нагружённые громкими титулами, как телега в осень всякой огородной всячинкой, не могут сделать того же массажа? Они только и способны, что списать человека в инвалиды? Ка-ак тут не захочешь плакать? А раз зудится – заплачем. И скоро. Кинемся мы ведь искать ту старуху, спохватимся вывести её секреты, да не выводим. Стариковский век быстриночкой мечен. Не успел дыхнуть, уже свернулся. А из могилы кто нам что расскажет?... Здесь медики. И каждый ли из вас брезгует знахарками? Нет здесь ни одной живой души, чтоб потаённо не бегала к знахаркам?

Таисия Викторовна мёртво устала в зал, будто отыскивала поднятые руки.

Но поднятых рук не было.

Как-то нелепо-смущённо молчал зал, молчал президиум.

«Криво рак выступает, да иначе не знает...» – подумал Расцветаев и целомудренно-укоризненным голосом сказал в тишину:

– Таисия Викторовна! Вы злоупотребляете нашим терпением. Вы что же, до утреннего гимна нас собрались держать?

Таисия Викторовна повернулась к нему:

– Действительно. Не сидеть же до утреннего гимна. Начните с себя, Владимир Владимирович. Скажите, кто лично вам ставит пиявки? А кто поднял вам сына?

В зале зароптали.

– Клевета! – вскинулась со своего стула в середине зала Желтоглазова и, неистово жестикулируя на все стороны, араписто завопила: – Это клевета! Ложь!.. Товарищи! Да как мы можем позволить ей так бессовестно чернить дорогого всем нам Владим Владимыча?!

Расцветаев целомудренно устало улыбнулся. Немного привстал из-за стола, кивнул Желтоглазовой:

– Садитесь, пожалуйста. Не волнуйтесь так горячо. Увы, Таисия Викторовна говорит правду.

Немое изумление вытянуло лица.

– Видите, – продолжала Таисия Викторовна, печально глядя на Расцветаева, – от людей ничего не утаишь. Люди знают всё. И то, что сестра мединститутского конюха превосходно ставит пиявки. И то, что ваш сын, упав на ледяной горке, получил сотрясение мозга. Врачи его мучили, мучили... Совсем было не закололи уколами... И вы через подставных лиц показали его бабушке с Истока. Бабушка без лекарств поставила на ноги, даже не ведая, что у него папа-академик. А узнай, она б со страху померла. Но зачем всё это скрывать? Зачем врать друг другу? Зачем мы с этой трибуны оплёвываем этих безвестных, этих мудрых, этих великих гуманнейших стариков, по крупинкам собравших многовековой опыт целого народа, а слезши с трибуны, бежим, одевшись потрепавшие, бежим, трясая махрами, к ним подлатать своё здорovieшко? Где же логика, господа?... Если сравнить возрасты народной и научной медицины, так это глубокая старуха и малое дитя, ещё пустынное, капитально глупенькое, как все нормальные дети, а вместе с тем оно уже и сверх меры занянное, зацелованное чадолюбивыми родителями, а потому и спесивое, перекормленное, нарывистое, под всякий каприз садистски помыкающее на свой недалёкий лад бедной, умаянной бабкой. Это не хочу, это не ем, это мне не нравится и вообще катись ты от меня, старая старушня, от тебя по-старушечьи воняет! Бабка без утиху плачет, уревётся украдкой, да терпит ради малого дурашки, терпит ради спокойствия его отца-матери. Бабка всё в тенёк забивается, всё на обочинку вильнуть норовит, дак её и в теньке достают, и с обочинки на сам большак сдёрнут. Не могут без неё в доме! И за дитятком уход неси, нагуливай поправку, и отцу-матери из еды всё сготовь, и в доме полный глянец наведи, наблести. Да упади под горький случай бабка, падёт и весь дом!.. Ах, бабка-косолапка! Ах, великая ты мудроукая мученица! Откуда ты, мужлатка, только и силы берёшь такой воз тащить?... Мы только на словах, как на гусях да с трибуны добренькие. Бери-де всё лучшее из народной копилки! А сунь руку к копилке, тебе в самую душу грязным сапожищем и смажут. Знахарство! Яд! Не смей!.. Конечно, среди знахарей до вихря порчунов. А разве среди врачей в диковинку эти самые порчуны? Только уже с дипломами? Знахарь знахарю, как и врач врачу, рознь. На эту тему можно без конца аукаться. Однако пора б уже и упомянуть, что *знахарить* идёт от *знать*, что ниточка знахаря вьётся из клубочка: *знать, знайка, знаткой, знаток, знатуха, знатоха, знаха...* Знахари-то говорят, как огород городят...

Таисии Викторовне вспомнилось, выблеснуло аксаковское. В руке было наготове несколько цитат. Поднесла к глазам одну.

«...доктор... прислал мне чай и пилюли и назначил диету. Всё исполняли с большой точностью, но облегчения болезни не было; напротив, припадки становились упорнее, а я слабее. Чай и пилюли бросили, принялись за докторов простонародных, за знахарей и знахарок... Я совсем не против народной медицины и верю ей, особенно в соединении с магнетизмом; я давно отрёкся от презрительного взгляда, с которым многие смотрят на неё с высоты своего просвещения и учёности; я видел столько поразительных и убедительных случаев, что не могу сомневаться в действительности многих народных средств... Мне начали... давать «припадочные, или росные, капли», и с первого приёма мне стало лучше; через месяц болезнь совершенно прошла... я не держал ни малейшей диеты. Сколько было бы шуму, если б так чудотворно вылечил меня какой-нибудь славный доктор!».

Кусочек ловкий, к месту.

Но она усовестилась его приводить, жалеючи поздний глухой час, и лишь твёрже прежнего резнула:

– Сметь! Надо сметь!

– Не всякая смелость города берёт! – с подсмешкой пустил Кребс.

Это царапнуло её.

Она тут же отхлестнула:

– Борислав Львович! Как вы-то при вашем профессорском звании дорапортовались до того, что борец – яд, которым только и травить организм? Так неосторожно поехать во всю

матушку⁵⁰... Разве вы не знаете, что борец фармакопейный? Разве вы не знаете, что все, я повторяю, все-е! – лекарства в большой дозе – яд, а в разумной – целебны? Уж, казалось, ну какого счастья дожидаться от змей? Ключула – смерть! А смотри, обвила змейка чашу. Стала нашей эмблемой. Под такой момент как не вспомнить?

С пятого на десятое скакала она – время! время!! – бегом пересказывая, что в старину змей «считали не только самыми опасными, но и самыми мудрыми. У грузин есть сказание: человек, побеждающий змею и питающийся змеями, становится мудрецом.

А греки богиню здоровья изображали в виде змеи: она ежегодно меняла кожу, оставаясь вечно молодой.

Известна классическая скульптура древнегреческого врача Асклепия (у римлян он назывался Эскулапом) со змеей, обвившейся вокруг его посоха.

У греков было предание.

Умер единственный сын Миноса, легендарного царя острова Крит. Отец обещал великую награду тому, кто воскресит царевича. Послал гонцов за знаменитым лекарем.

Присев отдохнуть на дороге, ведущей во дворец, Асклепий вдруг увидел на своём посохе змею и, испугавшись, убил её. Но тут же сразу приползла другая с целебной травой во рту и оживила убитую. Воспользовался врач знанием змеи, взял драгоценную траву и оживил ею наследника престола. Так стал Асклепий ещё более знаменитым. «Богом врачебного искусства». С тех пор будто и появилось на его посохе изображение одной или даже двух змей. Мудрая змея стала символом врачевания, символом медицинских знаний».

– Помилуйте, Таисия Викторовна! – взмолился Грицианов. – Ну сколько можно водить коридором?⁵¹ Да вы что, всё это всерьёз? Мы что, на ликбезе? Что вы, как дошколят, пробавутками нас усыпляете? Только и осталось, упасть да пропасть!⁵²

– Не горячитесь, Леопольд Иванович, – мягко тронул его за руку Кребс, – а то кровь себе подпортите... Жаль, что вы не уловили актуальности в информации. Змейка с травкой во рту – роскошь! Спешу уточнить у бухенвальдской крепышки... – И в нетерпеливой тряске потянул руку к Закавырцевой: – Скажите, Таисия Викторовна, какая травка была во рту? Борец?

– Не важно какая. Важно – травка!

Кребс сосредоточенно, изысканно-вежливо кивнул.

– Спасибо. Просветили.

– Тогда уж заодно просвещу и насчёт того, почему я выдавала борец на руки. Это обвинение отпадает само собой. Я говорила об этом в министерстве. Мне пошли навстречу, разрешили амбулаторное лечение настойкой. Не маять же человека в стационаре до полутора лет!.. Что еще?.. Как и следовало ожидать... Я практический врач, встретили меня с большим препятствием. Все новые предложения встречаются с большой критикой. Борьба нового и старого неизбежна... Во всяком предприятии сейчас же являются противники. Я должна была рассчитывать, что не останусь без них... И не осталась... Я очень много положила честного труда... Хотела что-то полезное сделать... Но всё ушло прахом... Не сумела я оформить... Не сумела доложить... Не сумела отстоять... Пускай... Я работала не на марсиан... Пускай мой труд не принёс большой пользы, а и то, что облегчила я страдания людям, уже стоит внимания.

Борец был исследован в Москве. Я считала, что у нас в Борске им займутся плотно... Помогут мне в мединституте... Но плотно занялись не борцом, а мной... Я осталась одна, как кочка в поле. Что я могу в одиночку? Не я отошла от коллектива... Зараньше, когда ещё ничего не было известно, мне все наперебойку твердили, что ничего полезного в борце нет...

⁵⁰ Поехать во всю матушку – сделать что-либо наобум.

⁵¹ Водить коридором – сочинять, врать.

⁵² Упасть да пропасть – очень крепко уснуть.

Дело всё скомкано... Считаю, времени на доклад было мне мало, пришлось идти галопом...

Говорить о каких-то результатах через два месяца лечения у инкурабельных больных нельзя, а у профессора Кребса они лечились не более двух месяцев...

Судя по выступлениям, профессора Кребса и врачей-онкологов удовлетворяют нынешние методы лечения. Я не могу с этим согласиться. Буду углаживать свой метод. Перед трудностями я не имею права падать. Я такой же слуга народа, как и все врачи... Недостатком заседания... Да, вот шарлатанство... Товарищ Кребс тут всё про шарлатанство шумел. А как назвать его?.. Это не шарлатанство, а разбой какой-то... Тут он выворотил, что излечённые мои больные вовсе никогда и не болели раком. Поясню... Диагнозы я не устанавливала, это делали ведущие онкологи от Москвы до Борска. Как видите, вовсе нешарлатаны ставят диагнозы... Повторяю... Я пользовалась уже готовыми диагнозами, в том числе и самого господина Кребса. То он слал мне страдалицу со своим диагнозом, я лечила. Он снова смотрел её, писал заключение, что такая-то излечена, а тут я слышу – не было у меня ракушек. А кого же он ко мне слал? А кого я выхаживала? Что за чехарда! Почему он вдруг изменил своё поведение и стал противодействовать? Почему это он так ретиво взял крен на сто восемьдесят градусов? Я не люблю ходить вокруг да около... Я как есть... Я скажу...

Ещё когда мы с ним поступали в мединститут, он к пущей важности вызубрил в упор⁵³ семь латинских изречений. И потом всю жизнь щеголял ими, *давил* всех своей эрудицией. Я так часто слышала их от него, что запомнила. Сегодня вы слышали уже шесть. А седьмое я вам сама скажу. Еgo nihil timeo, quia nihil habeo. Я ничего не боюсь, потому что ничего не имею! Новое поведение профессора Кребса, который весьма квалифицированно организовал отрицательное заключение вопреки мнению профессоров трёх клиник, я считаю жестокой расправой за то, что «не проявила практический реализм» и не передала ему в руки свой борец, в эффективности которого он как никто здесь убеждён!

Кребс заставил себя засмеяться.

Но сработал грубовато, нечисто.

Смеялся он с явно видимой натугой.

– Таисия Викторовна, – сказал он, отсмеявшись, – я бы посоветовал вам поучиться вести себя в приличном обществе. Ведь за ваши фэнтези можно очутиться и в суде.

– А хоть сейчас! – с твёрдым спокойствием сыпанула Таисия Викторовна. – Видали, фантазия! Грубейшим недостатком этого нашего собрания я считаю отсутствие демонстрации излечённых. Неужели можно поверить, что отменили её только из-за нехватки времени? Да давайте вот сейчас начнём демонстрацию и сразу откроется, кто шарлатан и мамона.

– Никакой демонстрации! – пискляво вскрикнул Кребс. Истёртые его нервы начинали динамить. – Никакой!

– А почему эт никакоечкой?! – вдруг грянуло от входа. – Почему никакоечкой? Да уши запоянут слухать вашу глумёжную вздорицу! Унизить тако какого человека и – ша?! Иэх! Язык – не картошка, не мнётся, а меля, что хоча!

От двери гулко по проходу, глянцевито рассекавшему зал надвое, шла Маша-татарочка, шла к сцене. После нескольких торопливых шагов её сорвало на рысь. Дёргая-взмахивая выставленными локтями, точно обрубленными, оголёнными от перьев крылами, ладилась она на бегу развязать крутой платошный узел под низом лица.

Узел не поддавался. Тогда она выдернула из платка голову, как лошадь из хомута, шваркнула так и не развязанную серую тёплую пуховку в сторону.

В следующий миг, дёрнувшись вперёд, стряхнула с плеч состарившуюся вместе с нею вельветовую заношенную плюшку.

⁵³ В упор – с натугой.

Зал ожил. Заворочался.

В разведку потянулись с мест голоса:

– Штой-то горячо бабоньке...

– Разбрасывает амуницию...

– Сдвинута по фазе...

– Похоже на хулиганство...

– Щас расстегнёт глотку!

У ступенек, ведущих на сцену, Маша вкопанно стала, потом повернулась к залу лицом.

Руки её тряслись под подбородком. Её подпекало расстегнуть кофту, но пальцы, в овражах трещин от чёрной работы, не слушались, вдесятером суматошно толклись возле одной верхней пуговицы и никак не могли впихнуть её в петельку.

Потеряв всякое терпение, перебежали пальцы на ворот – только брызнули пуговицы белым звонким дождём.

Чуже, плетьми, упали руки к бокам.

Разорванная кофта, хрустко выворачиваясь, с шипом напоззла, прикрыла собой верх юбки, схваченной бельевой бечёвкой.

Притих, насторожился зал. И все а! – уши топориками.

– Хулиганство полное! – холодно констатировала Желтоглазова.

– И как не стыдно! – преданно и спешно поднёс ей поддержку кто-то из кребс-крабиков.

– А чего стыдно? Мы не на светском балу... Если это и хулиганство, так плановое. У нас предусматривалась же демонстрация излечённых больных!

– Если это и демонстрация, так недолеждённых психов!

Оглохнув от горя, Маша не слышала ядовитых реплик.

– Люди! – ломила она. – Вы все врачи, и голая баба раз вам кому в чуду? А вот мне в дичь... Я хочу спросить, что у вас здесь? Цирк шапито?.. Что молчите рыбами, когда пустобрешливой Кребс гремит крышкой да разводит байдую?⁵⁴ Иль в вас зрение потухло? Иль в вас души умерли? У вас же на глазах под пяткой топчут, губют, трут в муку какого человека! А вы, холонокровые, позастегнули рты на замочки? Чего рты позажали-то? Иля уж воистинку: не я засыпал, не моё и мелется? Ох, люди! Ох, горькие! Ума не дам... Да еслив у меня не было той проклятущей заразы, на что ж было обдирать меня, как зайца?

Маша подняла руки к тем местам, где должны были бы быть груди, и только тут все увидели, что грудей там не было.

– Кребс склал диагноз ваш. Грицианов, хирург, понятно, резал... Чекрыжил... Если ничо не было, зачем жа отсекли грудя? Зараде какого смешного интереса? Они, – ткнула в Кребса и Грицианова, – не барского десятка. Хай слушают... Они испоганили мне весь верх. Выхватили и весь низ... Вымахнули всё женское хозяйство... Грицианов потрошил, как курку... И года ещё стары не прибыли, а я уже от бабьей от радости отсажена. Ну... Ну хорошо, что ещё до войны народила всех своих. Ну хорошо, что мужа накрыла военная лихость, не вернула с фронта. А то что мне делай? Да и... На словах не обскажешь... Совсемуще я плохак была... Выписали, как вы говорите, в тяжёлом, в носилочном состоянии. Выписали ведь помирать. Я б тутеньки уже не колоколила... не тренькала язычком... Э-э-э!.. Ещё б когда совсем упала, да спасибошко, – Маша трижды поклонилась Таисии Викторовне до полу, – да спасибошко великой нашей страдалице Таись Викторне. Подпёрла борцом. Не дала упасть. А тепере ей ишшо и выговорешник? За то, что выдернула с того света?

Маша зябко поёжилась и, рдея, надвинула кофтьёнку снова на плечи. Держа её за края на груди, умаянно потащила по ступенькам на сцену.

⁵⁴ Греметь крышкой, разводять байдую – говорить вздор.

– Раз у нас демонстрация, – кинула уже со сцены Кребсу, – вот и скажи, профессор хороший, что было и что стало... Посмотри и скажи миру, что у меня сейчас после борца?

Маша взялась за кончик бечёвки, коротко свисал из узла.

– Что вы! Только не это! – горячечно зашептал Грицианов, подсакивая к ней на пальчиках. – На сцене раздеваться!

– Так вы ж нас звали сюда напоказ? Или на что? Законфузился, шайтан его забери! На операции резал, как барашку. А тут законфузился!

– Всему своё место.

Из зала шумнули:

– Грицианов! Вы что там шепчетесь? Нам тоже интересно послушать.

И Маша ответила:

– А смотреть не желают, как работает честняга-борец... Наш Борисушка... Раздеться дажно не велят... Ну что ж... Тогда я и без смотринки так скажу Кребсу и всей его окружке... Как лягуха ни прыгает, а всё в своём болоте!.. Егози, профессор, не егози, а шляпой солнце не закроешь!

Кребс солидно промолчал, злобчиво скосил глаза на Грицианова. Да сворачивай ты, пшизокрылый, это заседание идиотского ёбчества!

Кребс видел, как от входа к сцене двинулись плотным ватажком женщины. Впереди была Шаталкина, видеть которую Кребс органически не мог.

Грицианов торопливо объявил, что повестка исчерпана, заседание на этом закрывается.

Он говорил и видел, что к сцене идут женщины. Он недоумевал. Он впервые видел, что при закрытии заседания люди шли не к выходу.

– Товарищи! – подала громкий голос Шаталкина, и любопытные лица повернулись к ней. – Нас вызвали сюда, хотели показать, как нас выходили борцом. Но это кое-кому не по шерсти. Я всёжжи скажу... Не всякий раз – обязательная операция, не обязательны лучи... Меня посмотрел Кребс. Шлёт под нож, под лучи. Грицианов уже свои наточил ножищи меня шматовать. А я прежь чем лезти под операцию, заверни ещё к Таись Викторне. И гореносица наша сказала, что без операции, без лучей можно подштопать меня. Она говорела, ранний, ещё квёленькой, ещё хиленькой рачок одолеть за всё просто. Всё едино, что чирей угасить. Набралась я духу и дала Грицианову расписку. Под расписку отбрехалась, ель отбилась от ножа, от лучевого огня. И не прогадала. Таись Викторна свет травушкой осадила, задавила во мне беду. Нынь я здорова... бревном не ушибить... Здорова, как машина!.. Ка-ак ма-ши-и...

В её взор вплеснулась растерянность. Она видела: поднялся президиум, стал стадом убрывать.

Глядя на президиум, и в зале повалило всё к дверям, гремя отодвигаемыми стульями, и Шаталкина, вконец смешавшись от разбредаемого народа, поникла, смолкла на полуслове.

Кребс мёртво сгрёб Грицианова за руку и поволок за красную стену занавеса.

– Слушай! – удушенно замычал Кребс, давясь от злобы, когда они остались одни. – Ну так глупо ударить в грязь родным яйцом!.. Да что за крезаторий⁵⁵ вы открыли в своём дурацком онкодиспансике?! Эта непристёгнутая расчехлила лапшемёт... Эта одна паршивая «заблудшая овца может целое стадо пастырей испортить»! Не в состоянии операцией заткнуть глотку этой Шаталкиной?! Неужели вы не в состоянии поймать эту буйнопламенную и для галочки вырезать у неё хоть что-нибудь? Это лично ей, разумеется, не надо, ей вовсе не надо, но до зарезу надо ва-ам! Мне-е! Нашей репутации!.. О-о!.. Дубики-дубочки... Наживу я с вами рак головы! Грош тебе как главному цена, если не можешь убедить человека в том, что ему необходимо лечь на операцию, пустяковую, крайне безвредную, но до смерти необходимую. И срочную! Раз мазнули, надо дельце чётко выруливать! Выруливать!

⁵⁵ Крезаторий – психиатрическая больница.

– Дорогой Борислав Львович! Кровь откуда хошь, но – рульнём! Гад буду – рульнём! Ох да кэ-эк рульнём! – клялся Грицианов. – Я этой Шаталке-скакалке ещё устрою чих-пых!

15

А на следующее утро Таисия Викторовна проснулась совершенно больной, какой-то раздавленной, будто на ней остановился гусеницами трактор и поплясал.

Вспомнилось вчерашнее заседание.

Холодный страх закрыл ей глаза.

Передёрнувшись, она рывком надвинула одеяло на голову.

Со стены, из динамика, бодро ударила музыка. Пошла заставка к уроку гимнастики.

– Крошунечка, – в ласке заговорил Николай Александрович, похаживая в трико по комнате и поглаживая себе руки от кистей к плечам, готовясь к первому упражнению. – На прavaх штатного молчуна позволь мне мини-лекцию. Неужели ты думаешь, раз закрыла глаза, то снова стало за окном темно? Не кали себя... Не трави... Аллес нормалес! Нормальный же ход поршня! Жизнёнка штука кусучая, линиявая. Вчерашнее отжито по-вчерашнему. А сегодня надо жить по-сегодняшнему. Может, ещё попадёшь на Международный онкологический конгресс в Москве...

– Разговоры давно идут...

– Может, когда-нибудь и соберутся? Позовут... Развеешься... Вставай. Уже урок...

Она примёрла под одеялом. Не шевельнулась.

«Хох... Жидковато в тебе, малышка, борцовского пару. Выходит, в первой же драчке весь выпустила?... А была бритва, огонь...»

Он не стал нудеть, не стал её трогать. Иначе он был бы не он, и, выключив динамик, побрёл разводить керосинку. Должен же кто-то готовить завтрак? Скоро вскочат Гоша с Милой. Детей в институты голодными не выпроводишь.

«Сколько изжили, ни разу не пропустили гимнастику. День завязывался всегда с гимнастики. От неё, по домашнему уставу, освобождался лишь больной. Но из нас никто, сколь вместе живём, ни разу не болел... Ни разу...»

Вжав в плечи голову, понуро утащился к себе в милицейскую поликлинику Николай Александрович. Потом убежал в политехнический Гоша, а следом и Мила в медицинский. А Таисия Викторовна всё лежала, не решаясь высунуться из тёмного тепла под одеялом.

У неё была температура.

Это она знала без градусника. Она спокойно могла вовсе не идти на работу. Но как не идти? Это школьная детворня по своей малолетней жестокости и сглупу безумствует от счастья, когда хворь примнёт учителя. Не надо готовить уроки! Ну а какая радость у больных, свались сама их лечащая врачиха?

И она поскреблась.

Мёл снег, плотный, лохматый, крупный, как лапоть. Первый нелёжкий снег щедро сыпал на сухую, точно пепел, землю.

Она любила зиму, любила пушной снег особенно в первые дни. Однако сейчас эта суетливая серо-мутная круговерть, эта весёлая заметуха совсем не грела ей душу, слепила глаза, и ей казалось, что она ясно чувствовала холод и давящий миллиграммовый вес каждой опускавшейся на неё снежинки.

Она вошла к себе в полутёмную клетуху в свой час, минута в минуту, и сразу глазами в угол. Пусто. Где настойка? Боже! Да куда девалась целая четверть?!

Не раздеваясь, в уличном, подхватила бегом на второй этаж. К Грицианову.

– Леопольд Иванович! – в доклад с порога. – Чепе! Настойка пропала!!

Грицианов без охоты отлепил от бумаг скучное лицо.

– Прежде всего успокойтесь, Таисия Викторовна... Присаживайтесь... И запомните, у нас в диспансере ничегошеньки не пропадает, вот только вовремя не находится. Только и всего...

– Но я везде у себя обшарила. Нету!

– Верно. Нету и не будет. Хватит вихляться. По кривой дорожке вперёд не видать. Я вашему голубому лютику⁵⁶ по всем правилам, пардон, надел намордник. Опечатал...

Она привсталла, с остановившимися глазами шатнулась к Грицианову, хотела что-то сказать, но забыла, что именно хотела сказать, и, конфузясь, снова села.

Грицианов ловчей угнездился в кресле. Налёг грудью на руки, лежали одна под одной по краю зелёного стола.

– Таисия Викторовна, вы вчера убедились, чего стоит ваш кудесник-расчудесник лютик? Не понимаю, как это он вам сел в сердце... Ну да!.. Давайте закруглять эту художественную самодеятельность. Разве я неправ был, ещё в самом начале отказавшись от его испытаний во всём диспансере? Пра-ав! Время голосует за меня. И только в том моё мягкодушие, что вам одной разрешил им пользоваться. И каков, простите, улов? Успех? Все-е вчера распрекрасно слышали, сколько ваших легло в сосновый чемодан⁵⁷. А сколько ещё мучаются на пути к нему? Вы дискредитируете общепринятые методы лечения. С нас довольно ваших лавров! Был грех, дал я слабину. Теперь исправляюсь...

– ...проявляя твёрдость?

– Разумеется.

– А больные? Вы подумали? Да... Чужая болька не болит... Отнять у них настойку – всё равно что у тяжёлых, у испытывающих кислородное голодание, по-разбойничьи выхватить кислородную подушку.

– Вам кажется... – всё так же тоскливо, на одной ноте тянул Грицианов. – Это ваши личные умозаключения... У вас нет подушечников и нам нечего выхватывать. Человек слаб. Суеверен. Внуши, что камень целебен, накатится грызть камни, и скоро человечество останется без Гиндукуша, без Эвереста, без Казбека, без прочих мелких горок. Всё слопают!

Она не помнила, как вышла от Грицианова, как спускалась по лестнице, как вошла к себе. Очнулась, вернулась в себя, когда зазвонил телефон.

Ей преподнесли новость: в клинике Кребса не стали давать борец.

Она ни слова не проронила в ответ, положила трубку.

«И Кребс... Со всех сторон разом ударила тяжёлая артиллерия...»

Подбегало время капель.

Она несколько раз подходила к своей палате и, поторчав, как истукан, у двери, на цыпочках отходила. Нет, не могла она войти и сказать, что больше ничем не может помочь. Сказать так – значит забрать последнюю надежду?

Она присела в своём кабинетике.

Минутой потом тенью втекла к ней одна из её ходячих.

Вошедшую не удивило, что Таисия Викторовна у себя в кабинете сидела в пальто, в пуховом платке. Комната была сырая, холодная. Сам Грицианов считал её пригодной лишь для морга. Вошедшую подивило лишь то, что сидела Таисия Викторовна не на своём обычном месте, а сбоку стола, на древнем посетительском стуле, скорбно вскрикивающим всякий раз, едва на него садились.

– Таись Викторовна... Генерал-капелечки... Самое время. Не забыли?

Таисия Викторовна отрицательно, чуже покачала головой.

⁵⁶ Голубой лютик, бородатый, высокий, вьющийся, Кузнецова, джунгарский, каракольский, Чекановского, лекарственный, противоядный – виды борца. У нас в стране встречается более пятидесяти видов.

⁵⁷ Лечь в сосновый чемодан – умереть.

– Кончились, больнуша, капелечки... Ушли...

– А подвезут навскоре? А то мы навродь груднят. Не дай в пору соску, воюшкой завоём. Без соски жизнь стала!.. Вы уж, мамино сердечушко, выстарайтесь, чтоб поскорейше было... Безо время рази отымают у детёнка соску?

Таисия Викторовна уронила лицо на ладонки и зарыдала по-бабьи горько, навскрик.

А ближе к полуночи позвонила Шаталкина. Голос, слезами одетый:

– Таись Викторна!.. Таись Викторна!!

А дальше ни слова.

– Тánюшка! Да что стряслось?

– Ой, Таись Викторна! Переболталось кисло с пресным!⁵⁸ Тако переболталось!.. Вертаюсь я со своей смены. Ночь. А дома ребятё от слёз пухнет... Игались они, значит, во дворе. Подлетела шизовозка с крестом. Вываливаются горками два санитар с носилками и Желтоглазова. Как описали, так это она, Желтоглазова. Эта рысь непутявая сразу к ребятне: «Не покажете, где тут у вас живёт раковая Шаталкина? Вот приехали с носилками забрать. Надо ей срочно на стол, под операцию». Ей сказали, что я на работе. Она крутанулась да умчалась вон. А по двору поползло змеёй шу-шу-шу, шу-шу-шу. Все своих лавриков от моих хват, хват, хват. В секунд порасхватили! Мои и остайся одне. Никто, последний соплюк, играть с ним уже не горит!.. «У вас мамка раковая, зыразная, и вы таки ж...» Таись Викторна, сердце не терпит... Как чужую беду – я водой разведу, а на свою на беду – сiju да гляжу... Как жить?.. Ка-ак жить, Таись Викторна? Научите... Надо теперь бежать из этого дома. Уеду!.. Сживают с места! Уеду!.. Знай подламывают, знай подговаривают на операцию... Чего, какого лешего оне домогаются? Я ж здоровящая тёлка... При полном здоровье... А у них зуб горит резать меня. Зачем? Заче-ем?..

– Тут и слепой видит... А чтоб скомпрометировать и борец мой, и меня... Я завтра поговорю с этой с чёртовой куклой Желтоглазкиной...

И лучше б не говорила. Всё не в толк.

Едва Таисия Викторовна подвернула разговор к врачебной этике, к гиппократовой клятве, как Желтоглазова и взвейся – бесстыжим глазам не первый базар! – с подсоллом окусываться:

– А мы вашу методу блюдём. Вы говорите больному правду о нём? И мы по-вашенски, по вашему руслу поворотили.

– Так я говорю больному. А не его детям, не соседям, не улице!

А между тем стало вязаться что-то такое, чему Таисия Викторовна не могла сразу сложить названия.

Вдруг Грицианов пошелковел, сделался предупредительно учтив, обходителен, мягок, даже любезен.

– Ну к чему, Таисия Викторовна, вам лишние хлопоты? – сочувствующе проворковал он и освободил её от ночных дежурств, хотя она и противилась твёрдо.

Месяц спустя уже без слов отвёл её от обязательного ранее присутствия на врачебных обходах.

А седьмого марта, после торжественной пятиминутки, оставил одну, молча плеснул ей под нос приказ об её же увольнении.

По диагонали пробежала она вздрагивающий у неё в руке листок.

– Это... ваш скромный... джентльменский подарок мне к Восьмому марта?

Грицианов, кажется, смутился.

⁵⁸ Переболталось кисло с пресным – всё смешалось.

– Расценивайте, как хотите, – буркнул он. – А по мне, этот подарочек поднёс вам покойный Нудлер. – Грицианов свёл глаза на приказ. – И подарок, и счёт.

– По приказу, Нудлер отравился борцом. Но у меня никакого Нудлера не было! Это больной Желтоглазой. Не установила диагноз. Запустила. Болезнь не стала ждать... На кой же мне вешать чужой чёрный орден?

– Я думаю, с Нудлером мы ещё разберёмся. Выясним, чей он, кто довёл его до кладбищенской кондиции. И даже если Нудлер не ваш, всё равно одна ласточка вам погоды не сделает. Нудлер – последний блёсткий мазок к вашему портрету... Вы прочитали приказ? В приказе по пунктам расписаны все ваши заслуги. Больных, кроме четвертой стадии, брали на лютик? Бра-али... Держали у себя настойку? Дер-жа-али... На руки выдавали? Вы-ыда-ва-али...

– И за это всерьёз можно уволить?

– За это можно всерьёз посадить.

Она немного подумала.

Нарочито-буднично, однако слегка взадир возразила:

– Леопольд Иванович, вы непросто расточительны в своих посулах. Да ведаете ли вы, холодный рыбак⁵⁹, что у меня ни од-но-го выговора, даже ни одного замечания? В нахвале всё бегала. Множень раз отмечали! Всё повышали, повышали и... повесили... Всё росла! Зигзаги роста...

– Увы, всякий рост имеет предел... И растут не только *туда*, – Грицианов назидательно воздел указательный палец. – Но и *туда*, – опустил вниз палец ровной палочкой. – Движение... диалектика... Застоя в движении не может быть. Не удержались на небесах... Трабабахнулись на грешную землю... Сабо самой... А будь похитростней... Чего б и дальше не заведовать организационно-методическим отделом? Ну да что об ушедшем поезде?.. Черкните на приказе, что ознакомлены, оставьте свой автограф-крючок на память – и с Богом.

Она медленно положила приказ на стол.

Пристукнула по приказу ладонкой.

– Никакого и самого маленького крючочка я вам не оставляю. Мне девятого, как намечалось, на конгресс по раку.

– А вот теперь уже и не ехать! – простодушно воскликнул Грицианов. – Отдыхайте!

– А кто поедет?

– А это уж не ваша печаль... Охотников на Москву не со стороны вербовать. А вы, – он весело щёлкнул пальцами, поймал идею! – а вы лично от себя можете поехать. Я возражать не стану. У вас теперь пустого времени чёрт на печку не всташит. Езжайте!

16

Спотыкаясь о свои слёзы, вернулась Таисия Викторовна домой. Едва ноги за порожек завела, начала про приказ, а там и план свой яви:

– Хватит басни расправлять... Надо мелькать... Надо показываться!.. Надо показывать зубки!! Неча, ёлкин дед, слюни в ступке толочь. Девятого с утра в облздрав! В профсоюз!! В суд!!!

– Зачем-ем? – детски удивлённо, с ростягом спросил Николай Александрович, помогая ей снять пальто. – Зачем-ем? Девушка ты хорошая, только нахваливать я тебя погожу... Забудь... Проплакала и спрячь... – Лепестком платочка он вымакнул светящиеся, лучистые стёжки слёз на её щеках. – Успокойся и запомни простую истину: медики не спорят, медики не ходят по судам. Тем более младшие.

⁵⁹ Холодный рыбак – неудачник.

– Как младшие, так и молчи в кулачок, пока по маковку не вобьют в грязь? Да они ж готовы одним зубом меня загрызть!

Николай Александрович повесил пальто в ветхий, потемнелый шкаф. Взял зябкие с улицы пальцы жены, наклонился, подышал на них теплом.

– Тая, не преувеличивай. Это не просто... Одним зубом... Стандартная неувязка, стандартное недоразумение... Они обидели, они и позовут!

– Через год? Через пять? А я, мякинная головушка, жди?

– Почему «жди»? Где упала, там и подымайся. Делай, что держала на плане. Собирайся на конгресс.

Таисия Викторовна устало, укоризненно всплеснула руками.

– Один уже посылал... Отсмеялся... Грицианов... И ты? Какой ещё конгресс? Бабу с треском турнули с работы по негодной статье! Ни командировки, ни денег... Какой конгресс? Ну не смешно?!

Николай Александрович прижал выставшие её ладошки себе к щекам.

– Дело! – гаркнул он ободряюще, наливаясь восторгом от пришедшей мысли. – Дело! Давай смеяться, пропадать со смеху. По штату положено! Начальство посмеялось, образцовый подчиненный разве не должен его поддержать? Грицианов, вострокопытный змей, со смешком разливался про конгресс, а ты в сам деле катани. В пику! За нами смех будет последний! Вот!

Он схватил со стола билет. Торопливо сунул ей.

– На самолет... Девятого... В Борске в девять по-местному сядешь и в девять ноль-ноль по Москве будешь в Белокаменной. На дорогу ни минуты не теряешь!

– Кроме трёхчасовой разницы между Борском и Москвой. Ну да... Ты брал заранее, не знал про приказ...

– А хоть бы и знал, всё равношко взял. Э-э, крошунька, лезет из тебя, как бы вякнул Кребс, о натюрель! Как же крепостно мы возлюбили за государственный счёт свой интеллект растить... Нет командировки – наплевать и растереть! Лети на свои кровные! Послушать столпов, из первых уст узнать последние веяния... Разве это, сердечушко, нужно лично Грицианову? Разве это нужно лично Кребсу? Это прежь всегошеньки нужно те-бе самой. Те-бе самой!

Мало-помалу Таисия Викторовна притёрлась, притерпелась к мысли, что ехать ей надо и в таком горьком коленкоре, и даже ехать сейчас необходимей, чем когда было всё на работе нормально.

Тугих шуршалок на поездку подхватили у соседей.

Домашние хлопоты оставшаяся троица раскидала так: Гоша готовит еду. На Гоше ещё вода, полы, дрова, магазины, мелкая стирка.

Николай Александрович ответственен за Росинку. Росинка – корова. Николай Александрович любил с нею возиться, не даст ветру дунуть. Кормить, особенно доить – золотых ему гор не надобно.

Николай Александрович не мог косить. Как махнёт – на палец обязательно воткнёт носок косы в землю, и летними вечерами бегала по городу с литовкой вёрткая Таисия Викторовна. Окашивала все канавки, все бугорки, все ямки. А Николай Александрович лишь сушил да сносил к дому сено.

А уход за котом Мурчиком решительно взяла на себя Мила. Бесстрашная девушка была очень занята свиданиями.

На конгрессе, в первый перерыв, народушко шумно выкатил в сувенирно-нарядное фойе, празднично блестящее зеркальными стенами, ослепительным глянцем лакированных полов, сражающее монументальностью и торжественностью колонн.

В этом неземном великолепии, так изумившем всех непривычностью, значительностью, люди, похоже, словно враз особенно почувствовали, словно вдруг наглядно осознали свою малость, свою ничтожность рядом с этими великанистыми волшебными колоннами и невольно, как весело подумалось Таисии Викторовне, всяк стал неосознанно, сам собой тянуться если не вровень с колоннами, то всё же кверху, в живые солидные столпики, потому что, думалось ей, что-то властное, магическое в фойе ломало, переделывало людей на свой лад: попав в фойе, люди преображались, разводили, как орлиные крылья, плечи; если сперва, выйдя из зала, смотрели вокруг восторженно-робко, то две-три минуты в фойе совершенно их перекраивали, и люди уже прохаживались, совершали моцион раскрепощённо, величественно, державно вскинув головы, будто и впрямь ладясь сравняться в росте уже с самими сказочными колоннами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.